

А. М. МАЛЕВАНЫЙ,
Е. А. ЧИГЛИНЦЕВ, А. С. ШОФМАН

КЛАССОВАЯ
БОРЬБА
В ДРЕВНЕМ
МИРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987

рами как деспот, о первых заботиться как о друзьях и близких, а тех использовать как животных или растения»².

Деление общества на два враждебных лагеря четко отражает Платон в своем трактате «Государство»: «В каждом государстве есть два взаимно враждебных государства — одно государство бедных, другое — богатых...» (423а). И если бы не существовало государства, — продолжает Платон, — «в каком бы великом страхе рабовладелец был за себя, за детей и за жену, как бы рабы не убили всех» (там же).

Философы, будучи выразителями идей господствующего класса, рекомендовали различные меры для предупреждения восстаний рабов. Так, Платон в своих «Законах» советует не иметь рабов одной народности и, поскольку это возможно, приобретать рабов, говорящих на разных языках (VI, 777 с), философ считает, что рабы — это такая собственность, обладание которой влечет много неприятностей: «Ведь рабы никогда не будут друзьями своих господ» (VI, 757 а). Катон Старший «вечно устраивал так, чтобы среди рабов были раздор и неприязнь, ибо согласие в их среде считал опасным и боялся его» (Плутарх, «Катон Старший», 21).

Сохранилось упоминание о сочинении, посвященном специально восстаниям рабов. Афиней (VI, 272) указывает его название — «О рабских войнах» и имя автора — Цецилий, который был ритором, уроженцем г. Калакты (на северном берегу Сицилии), современником Августа. Интерес к своей теме он проявил, по-видимому, потому, что сам был вольноотпущенником. Возможно, многие писатели, писавшие о рабских восстаниях, пользовались этим сочинением, однако оно не дошло до нас.

Попытки определить роль и значение классовой борьбы в истории были предприняты еще буржуазными историками. Так, французские историки эпохи Реставрации — О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье в своих исследованиях исходили из признания классовой борьбы и пытались показать ее на примерах английской революции XVII века и французской революции XVIII века. О. Тьерри попытался на примере истории Франции обосновать новую буржуазную теорию о роли классов и классовой борьбы в жизни общества. Его называют отцом «классовой борьбы во французской историографии»³. Будучи вместе с Тьерри одним из создателей

буржуазной теории борьбы классов, Ф. Гизо утверждал, что из борьбы классов «родилась новейшая Европа»⁴. Наконец, Ф. Минье, исследуя историю французской революции, утверждал, что сама эта революция является результатом борьбы различных классов⁵.

Однако взгляды на классы и классовую борьбу этих буржуазных историков имели ограниченный характер, так как данные историки полагали, что с утверждением буржуазного порядка завершается борьба классов и достигается главная цель прогресса европейской цивилизации.

Даже при специальном обращении к античному рабству, как это сделано у Анри Валлона, французского буржуазно-либерального историка XIX в., рассказ о борьбе рабов ограничивается лишь констатацией основных фактов и не содержит оценок принципиальной важности этой борьбы для развития общества. Возникновение же неравенства в древности, появление рабства представляется буржуазным историкам чистой случайностью или актом злой воли человека⁶. В конце XIX — начале XX вв. буржуазная историография в корне изменяет свое прежнее представление о классах и классовой борьбе. Так, крупнейший немецкий историк древности, автор известной модернизаторской концепции древней истории Эд. Мейер утверждал, что рабство в античности мало чем отличалось от наемного труда. «Рабу,— пишет он,— при ловкости и удаче открыт путь к свободе и богатству, его детям (а часто и ему самому) — к высокому положению в государстве и обществе»⁷. Эти слова выдающегося знатока истории древнего мира отдают откровенным цинизмом, ибо Эд. Мейер возводит в систему отдельные случаи возвышения рабов в эпоху поздней Римской империи. Ему же принадлежит и другое надуманное, антинаучное положение о том, что «рабского вопроса» в древности не существовало, что «никогда не происходило значительных восстаний рабов»⁸.

Современник и соотечественник Эд. Мейера — Р. Пельман прямо отождествляет античный люмпен-пролетариат и промышленный пролетариат капиталистического общества. Он писал: «... (античный) пролетариат никогда не задавался целью уничтожить классовое неравенство. Он удовлетворялся ограблением богатых, так что менялись только собственники, классовое же

разделение оставалось. Это доказывает, как превратно пророчество коммунистического манифеста, будто пролетариат, овладев государственной властью, уничтожит классовое различие и установит действительное всеобщее равенство! ...Вот почему разрешение социального вопроса путем только классовой борьбы невозможно»⁹.

«Традицию» Э. Мейера продолжили в XX в. многие буржуазные историки рабства. Среди них наиболее известен У. Уестерман. Именно против его концепции боролась и продолжает бороться советская историография античности¹⁰. Методологической основой для этой борьбы служит наследие классиков марксизма-ленинизма.

Для понимания классов как исторической категории важное значение имеет письмо К. Маркса от 5 марта 1852 г. И. Вейдемейеру. В этом письме он выдвинул три положения, которые характеризуют то новое, что им внесено в изучение этой проблемы. Прежде всего, новое состояло в доказательстве того, что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства¹¹.

Процесс возникновения классов раскрыт в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где убедительно показана роль общественного разделения труда в этом процессе¹². Родовой строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы». С новым разделением труда, писал Энгельс, возникает новое разделение общества на классы¹³.

Определение классов и характеристика их основных признаков содержатся в ленинских работах «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», и особенно, в статье «Великий почин». В. И. Ленин выделяет следующие основные признаки, обуславливающие принадлежность больших групп людей к тому или иному общественному классу: их место в исторически определенной системе общественного производства; их отношение (большей частью закрепленное и оформленное в законах) к средствам производства; их роль в общественной организации труда, а следовательно, способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают. «Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря разли-

чую их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹⁴.

Таким образом, четыре основных признака, согласно Ленину, определяют принадлежность к тому или иному классу.

Вместе с возникновением классов возникает и государство. Касаясь причин возникновения государства, Ф. Энгельс конкретно и убедительно доказал, что их нужно искать не во внешних факторах, а в процессах экономического развития, которые и привели к расколу общества на враждебные классы¹⁵.

В. И. Ленин в 1914 г. в статье «Карл Маркс» подчеркивал мысль о том, что государство возникло лишь тогда, когда общество раскололось на непримиримые классы¹⁶. Несколько позже, анализируя процесс возникновения государства, он в работе «Государство и революция» (1917 г.) еще более четко формулирует эту мысль. «Государство,— пишет В. И. Ленин,— возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»¹⁷. Для понимания процесса возникновения государства важное значение имеет следующее ленинское указание: «...признак государства — наличие особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*. Общину, в которой «организацией порядка» заведовали бы поочередно *все* члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством»¹⁸. Следовательно, для превращения общинной «организации порядка» в государственную необходимо пройти через достаточно длительный период экономической и социальной дифференциации, приведшей к появлению специального «класса лиц», сосредоточившего в своих руках власть.

Итак, классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что классовобразование и сложение государственности есть не единственный акт, а процесс длительный. Они указывали, что процесс сложения государства шел вместе с процессом образования классов, что органы родового строя *постепенно* отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, и весь родовой строй превращается в свою противоположность¹⁹. По существу, Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» раскрывает посте-

пенность сложения классов и государства на греко-римском материале, в то же время очень внимательно прослеживая важнейшие качественные изменения в ходе этого процесса.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, определив движущие силы исторического процесса, создав научную теорию классов и классовой борьбы, не могли при этом не уделить пристального внимания развитию классов, сословий, классовой и сословной борьбы в условиях рабовладельческой общественно-экономической формации, что составляет важнейшую часть марксистской концепции античности²⁰.

Поскольку в древнем обществе основной формой эксплуатации является рабство, оно стало предметом тщательного изучения.

Главной отличительной чертой подхода классиков марксизма-ленинизма к античному рабству стал подход к нему как к категории экономической: «Рабство есть такая же экономическая категория, как и всякая другая. ...Рабство представляет собой в высшей степени важную экономическую категорию... Так как рабство есть экономическая категория, то оно всегда входило в число общественных институтов различных народов»²¹.

Но для Маркса и Энгельса рабство не просто одна из экономических категорий. Существование рабства определяет существование всего древнего мира, ибо оно оставалось основой всего производства, на которой «покоилось» общество. Ф. Энгельс видел в рабстве «господствующую форму производства, для народов, переросших древнюю общину»²². Эта «господствующая форма производства» и определяет собою существование всех надстроечных институтов древнего мира.

Такой подход к рабству как к категории экономической позволяет рассматривать его, рабство, исторически, исходя из конкретных условий существования античного общества, а не в отрыве от них. Именно исторически рассматривают появление рабства классики марксизма-ленинизма. Рабство возникло на основе общественного разделения труда²³. Рабство не было волюнтаристским актом одной части людей в отношении другой части. Оно появилось в результате экономической необходимости, в результате объективного существования условий для применения труда рабов. А для эксплуатации рабов нужно рабовладельческое хозяйство²⁴. Действительно,

не всякому раб может принести пользу; чтобы «извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного содержания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении»²⁵.

Изучение рабства, как первой формы эксплуатации человека человеком, было важно классикам марксизма-ленинизма для более глубокого понимания закономерностей всемирной истории, для выявления исторической миссии пролетариата в его борьбе против капитализма за торжество коммунистического общества. Сравнение положения античного раба и наемного рабочего капиталистического общества характерно для многих их работ по этим вопросам. Вспомним «Положение рабочего класса в Англии»: «вся разница между этим и старым откровенным рабством состоит только в том, что современный рабочий *кажется* свободным...»²⁶. В «Принципах коммунизма» Энгельс подробно отвечает на вопрос, чем же отличается пролетарий от раба. Подобное же сравнение мы встречаем и в трудах К. Маркса²⁷. Но такая яркая ориентация на современность отнюдь не замазывает специфики рабства как формы эксплуатации, не умаляет и не принижает его значения на определенной ступени развития человеческого общества в угоду вневременным морально-этическим оценкам. Именно поэтому Маркс и Энгельс, показывая тяжелое положение античного раба, стремятся не просто осудить рабство, а понять и научно объяснить его: «справедливость греков и римлян находила справедливым рабство...»²⁸ Да, раб — это рабочая машина²⁹, это вещь³⁰, это человеческий скот³¹, но самое главное — он товар: «Раб не продает свой труд рабовладельцу, так же как вол не продает своей работы крестьянину. Раб вместе со своим трудом раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. *Сам он* — товар, но труд не является *его* товаром»³². Именно такое представление о рабе позволило Марксу открыть «правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы», гласящее, что «самая действенная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота... воз-

можно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени»³³. Вот откуда и самое скудное содержание раба, и продажа раба как любой другой вещи, и отсутствие для него всяких гражданских прав. Это «неравенство людей и их рабочих сил» было тем «естественным базисом» для применения рабского труда, на котором и покоилось греческое общество³⁴.

Однако, видя известную прогрессивность по отношению к предшествующему периоду и необходимость рабства на определенном этапе развития человеческого общества, Маркс и Энгельс очень хорошо видели и всю противоречивость в развитии производства на основе рабского труда. И здесь необходимо выделить два основных момента. Во-первых, мысль Маркса о низкой производительности рабского труда, ибо «экономическим принципом» рабовладельческого производства является применение только наиболее грубых, наиболее неуклюжих орудий труда, «которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче» человеком, протестующим против своего положения «говорящего орудия»³⁵. И во-вторых, Ф. Энгельс отмечает, что в конце концов «для более развитого производства рабство является помехой, устранение которой становится настоятельной необходимостью», поскольку значительная часть гражданского населения, вследствие конкуренции дешевого рабского труда, превращается в паразитическую массу люмпен-пролетариев, не участвующих в процессе производства и презирующих труд. «Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия»³⁶.

Классики марксизма-ленинизма не только вскрыли подлинную природу эксплуатации рабов в античном мире, но и обратились к борьбе рабов против своих угнетателей. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, развитие древнего общества основывалось на классовых противоположностях, на постоянной, непрерывной, то скрытой, то явной борьбе свободных и рабов, патрициев и плебеев³⁷. Маркс и Энгельс обратили внимание на некоторые формы борьбы рабов, особенно на восстания рабов, в частности, восстание под руководством Спартака³⁸. Борьбу рабов против своих угнетателей Маркс считал «единственно правомерной войной»³⁹, но при этом он отмечал, что греческие и римские рабы не могли

освободиться собственными силами⁴⁰. Поэтому борьбу рабов, иногда перераставшую в открытые восстания, он все же не считал основной линией классовой борьбы в рабовладельческом обществе. Так, в предисловии ко 2-му изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» (1869 год) К. Маркс дал определение характера и особенностей классовой борьбы в античном обществе: «...В Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов»⁴¹. Эту же мысль К. Маркс высказывает в «Капитале»: «...в античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором...»⁴² Рост рабовладения и возникновение на его основе крупных земельных хозяйств вытесняли и разоряли мелких землевладельцев, превратившихся постепенно в «пролетариат, который, однако, вследствие своего промежуточного положения между имущими гражданами и рабами, не получил самостоятельного развития»⁴³. Эти разорившиеся свободные «никогда не поднимались выше уровня люмпен-пролетариата»⁴⁴. «Римские же люмпен-пролетарии были паразитами, не только бесполезными, но даже вредными для общества»⁴⁵. К. Маркс приводит по этому поводу меткое замечание Сисмонди: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата⁴⁶.

Развивая марксистское учение о классах, В. И. Ленин строго научно определил их место в социальной структуре общества, раскрыл специфические особенности классов, показал значение классовой борьбы как движущей силы истории⁴⁷. На примере восстания Спартака В. И. Ленин сделал анализ классовой борьбы рабов, которые в силу исторической обстановки не могли добиться окончательной победы в борьбе с угнетателями: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»⁴⁸.

Классики марксизма-ленинизма, обращаясь к характеристике классовой борьбы в древнем мире, постоянно имели в виду сложную сословно-классовую структуру древних обществ: их классовое членение является несравненно более пестрым и менее четким, здесь мы находим «почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия,— целую лестницу различных общественных положений»⁴⁹. Это, безусловно, объясняется и тем обстоятельством, что древнее классовое общество возникает непосредственно из доклассового, первобытного. И лишь при капитализме, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, классовые противоречия упростились в том смысле, что общество раскололось на два больших враждебных класса — буржуазию и пролетариат⁵⁰.

Развивая эту мысль, В. И. Ленин в работе «Аграрная программа русской социал-демократии» говорил о том, что в античных обществах были классы-сословия, в то время как в буржуазном обществе сформировались бессословные («чистые») классы. «Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные... В рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями»⁵¹.

Этими основополагающими высказываниями классиков марксизма-ленинизма руководствуется советская историография при рассмотрении очень сложного вопроса о соотношении классов и сословий в древних обществах, где возникающие классы переплетаются с сословиями, а классовые антагонизмы проявляются часто через противоречия сословные.

Поскольку рассмотрение вопроса о соотношении классов и сословий в древних обществах является темой для специального исследования, авторы учебного пособия не ставят перед собой задачи изложить этот вопрос в полном объеме. Однако отдельные работы по данному вопросу, имеющиеся в советской историографии, позволяют студентам составить определенное представление об изучении проблемы.

Известные советские ученые — антиковед С. Л. Ут-

ченко и востоковед И. М. Дьяконов — в своем докладе на XIII международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970 г.) высказали следующие важные соображения: употребляя понятие «класс» для древнего общества, мы должны иметь в виду, что «классов» в чистом виде рабовладельческий мир не знал⁵². Действительно, даже в античном обществе, не говоря о древневосточном, процесс классовообразования не приводит к формированию «чистых», по терминологии В. И. Ленина, «бессловных» классов⁵³. Классовые отношения и различия в древнем мире всегда затенены, опутаны и как бы отодвинуты вглубь традицией и правовыми нормами, определяющими положение сословий⁵⁴. Именно в этом смысле Маркс и Энгельс указывали, что в Риме «мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов;... и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации»⁵⁵. Сословие (каста) в древности не всегда предполагает определенное отношение к средствам производства⁵⁶. Именно правовые нормы играли громадную роль, несравненно большую, чем в капиталистическом обществе.

С. Л. Утченко и И. М. Дьяконов предлагают следующую схему классово-структуры в странах Древнего Востока и античного мира:

1) класс людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других (знать во главе с царем, высшее жречество);

2) класс людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом (свободное и не разорвавшееся крестьянство, ремесленники);

3) класс людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом (разорившиеся свободные крестьяне, работающие в качестве батраков или арендаторов, рабы). Следовательно, свободные бедняки и рабы принадлежат к разным сословиям, но к одному классу;

4) класс людей, не владеющих средствами производства и не занятых производительным трудом, живущих за счет подачек со стороны государства и знати (деклассированные элементы, античный люмпен-пролетариат, главным образом, в Риме).

Эту схему, однако, можно прилагать к каждому конкретному обществу лишь с коррективами, учитывая

стадии развития. Разумеется, приведенное классовое деление не до конца сознавалось людьми древнего мира. Самый последний бедняк в Греции или Риме никоим образом не мог и не желал представить себя принадлежащим к группе людей, в которую входят также рабы⁵⁷. С. Л. Утченко и И. М. Дьяконов подчеркивают, что при изучении социального строя древнего общества необходимо учитывать не только отношение групп людей к средствам производства и их участие (или неучастие) в общественном производстве, но всю совокупность социальных отношений, включая правовое положение каждой общественной группы (т. е. сословия или касты)⁵⁸.

Учебное пособие В. Д. Нероновой довольно подробно показывает развитие в советской историографии представлений о соотношении сословия рабов и класса рабов в древних обществах⁵⁹ и окажет при изучении классовой борьбы в древнем мире очень большую помощь студентам.

Произведения классиков марксизма-ленинизма, представленные выше, составляют методологическую основу для изучения проблем классовой борьбы в древности. Источниковую базу составляет широкий круг различных источников, краткая характеристика которых дается в соответствующих главах пособия. Эти источники неоднократно издавались в переводе на русский язык, фрагменты этих переводов есть в хрестоматиях, и они, таким образом, вполне доступны студенту для более тщательного изучения. Такое обращение студента к опубликованным источникам и советской литературе, указанной в примечаниях — обязательный элемент работы с данным пособием.

ГЛАВА I

КЛАССОВАЯ И СОСЛОВНАЯ БОРЬБА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Прежде всего следует отметить, что условия, в которых протекала классовая и сословная борьба, в разных странах и государствах древнего мира были неодинаковыми. На Древнем Востоке, где преобладала деспотическая форма правления, даже свободное население, не

говоря о рабах, не имело условий, сколько-нибудь благоприятных для открытых выступлений. Поэтому в подавляющем большинстве случаев формы протеста здесь носили пассивный характер, выражавшийся в бегстве свободных со своих наделов и рабов от своих хозяев. И тем не менее, особенно в поздний период, на Древнем Востоке происходили также и народные восстания, иногда большого масштаба. При изучении этих явлений следует учесть то немаловажное обстоятельство, что авторами всех письменных источников, как правило, были жрецы, вельможи или писцы, выражавшие идеологию господствующего класса. Поэтому они старались ничего не писать о народных движениях, но если иногда это случалось, то писали слишком кратко, поверхностно и намеренно затемненно.

Пожалуй, наиболее древние свидетельства о протесте против угнетения относятся к XXIV в. до н. э., к шумерскому городу-государству Лагашу. «Дети Лагаша», т. е. общинники, рядовые воины, ремесленники, низшие жрецы, бедное городское население восстали против мероприятий царя (энси) Лугальанды и знати Лагаша, направленных на ухудшение положения народа. Возглавил восставших сановник и родственник царя Урунимгина (старое чтение — Урукагина), воспользовавшийся недовольством народа для узурпации царской власти. Устранив Лугальанду, Урунимгина сделал ряд уступок народу и жречеству. Были отменены налоги на жрецов, увеличено натуральное довольствие храмовых работников, для народа уменьшена плата за совершение религиозных обрядов, отменены некоторые налоги с ремесленников, уменьшена ирригационная повинность для различных категорий населения. Число полноправных людей в государстве достигло 36 тысяч, превысив число граждан при предшественниках реформатора примерно в десять раз. До нас дошла надпись Урунимгины на двух глиняных конусах, которая рисует картину страшных злоупотреблений энси и знати и притеснений народа¹. Реформы этого царя, направленные объективно на ослабление знати Лагаша и на улучшение положения народа, обеспокоили знать соседних городов-государств, что и привело в конце концов к устранению царя-реформатора и поражению Лагаша в войне. Решающую роль в этом сыграла местная знать, озлобленная реформами Урунимгины, урезавшими ее права.

Следует знать, что из-за неясности отношений и реалий, содержащихся в источниках, весьма трудно в столь отдаленную эпоху четко представить себе не только факты этой борьбы, но и нарисовать политический портрет самого Уруинимгина. В. В. Струве представляет его как вождя народных масс, выступивших против рабовладельческой знати, И. М. Дьяконов изображает его как ставленника родовой знати, стремившейся ограничить власть правителя и помешать ему захватить храмовое хозяйство. По мнению же Ю. И. Семенова, Уруинимгина был одним из представителей знати, воспользовавшимся народным восстанием для захвата власти и вынужденным провести некоторые реформы с целью успокоения народа².

В Египте уже в эпоху Древнего царства (2800—2250 гг. до н. э.) происходили резкие социальные конфликты. Хотя бедность источников не позволяет конкретно описать волнение народа, но они угадываются между строк заклинаний, начертанных в глубине пирамид, где сквозит страх перед мятежным народом. Однако из литературных памятников мы узнаем значительно больше, чем из официальных документов, о тяжелом положении трудового населения следующего периода египетской истории — Среднего царства (2050—1700 гг.). «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» образно рисует безотрадную жизнь египетской бедноты: «...видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его, как у крокодила, а он более смраден, чем рыба икра. Каждый мастер, работающий теслом, устает более землепашца. И ночью он зажигает огонь. Резчик по камню... когда заканчивает выполнение вещей, руки его как неживые, а он устал. Он сидит до тех пор, пока не зайдет солнце, причем его колени согнуты. Говорю я тебе о строителе стен. Он болен, ведь постоянно находится снаружи, на ветре. Исчезла сила его, руки его как неживые от работы по камню. А что до довольствия, то отдает он его домой. Земледелец невредим он, как невредимый среди львов... Достигает он дома своего вечером, причем утомлен от ходьбы. Ткач находится в помещении. Колени его у живота его, и не может он вдыхать воздух. Дает он хлеб привратнику ради позволения увидеть свет. Прачечник стирает на берегу. Нет части тела чистой на нем, постоянно пребывает он в беде. Говорю я тебе о рыбо-

лове. Смотри, разве его работа не в реке, полной крокодилов? Если он выходит на воду (?) целым, то это по воле бога»³. В литературном произведении «Обличения поселянина» (или «Красноречивый крестьянин») на примере случая из жизни крестьянина Хунанупа показаны неслыханный произвол в отношении простых людей, безнаказанность богатых, знатных и полнойшей беззащитность бедняков. Хунануп, обращаясь к сановнику, описывает положение, в котором находится народ: «Смотри! Правда, прогнанная со своего места, угнетена тобою. Сановники говорят зло; справедливость стала пристрастной; снимающие допрос грабят... Тот, кто должен производить справедливый раздел,— мошенник; тот, кто должен отвести беду, сам ее навлекает; тот, кто должен искоренить грех, творит зло...»⁴

В папирусе Салле I, относящемся к концу эпохи Нового царства (1580—1085 гг.), нарисована реальная картина сбора налогов с земледельцев: «Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками. Они говорят: «Дай, ты, ячмень». Нет его. Они бьют его (земледельца) битьем-перет (?). Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана перед ним, его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень»⁵.

Уже в глубокой древности проявляется непримиримость между знатью, во главе с царем, и народом. Фараон Ахтой III, правивший в XXI в. до н. э., в «Поучении гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» предостерегает наследника о врагах царской власти, которыми, по его мнению, были бедняки: «... Вредный человек — это подстрекатель. Уничтожь его, убей... сотри имя его, погуби сторонников его. Мятежник для горожан — это смута... Подавляй толпу, уничтожай пламя, которое исходит от нее. Тот кто беден — он враг. Будь враждебен к бедняку»⁶.

В поэтическом произведении «Речения Ипусера» (старое чтение — Ипувера) повествуется о грандиозном восстании свободных бедняков и частично рабов в Египте. Установление его даты — дело до сих пор спорное. Имеется ряд серьезных доводов в пользу отнесения его ко времени, предшествующему воцарению XII династии (2000 г. до н. э.), однако большинство советских исследователей относят это восстание ко времени XIII дина-

сти, т. е. к концу Среднего царства и называют приближительную дату — 1750 г.

Образными мазками автор (вельможа Ипусер) рисует картину народного гнева, направленного против господствующих слоев: «Воистину, Нил орошает, никто не пашет. Каждый человек говорит: «Мы не понимаем, что происходит в стране... Воистину, сердца людей жестоки. Мор по всей стране. Кровь повсюду. Не удаляется смерть». Но не все объята горем и не все не понимают происходящего: «Воистину, благородные в горе, простолюдины же в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить мы сильных (имущих) среди нас!» Применяя удачный художественный образ, Ипусер передает происшедшие перемены в Египте: «Воистину, земля перевернулась, подобно гончарному кругу», т. е. находившиеся на вершине социальной лестницы очутились внизу, а находившиеся внизу поднялись наверх. «Смотрите: тот, который не имел своего имущества, стал теперь владельцем богатств. Смотрите: простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими». Движущей силой народного восстания стали бедные эксплуатируемые массы свободного (юридически, но не фактически) населения. «Смотрите: тот, который не имел даже своей упряжки, стал владельцем стада. Тот, который не мог найти себе быков для вспашки, стал собственником большого количества скота. Тот, который не имел своего зерна, стал владельцем амбаров. Тот, который брал в долг зерно, теперь сам дает его». Об участии рабов в восстании говорится очень мало. Ипусер сообщает лишь, что рабыни украсили себя драгоценностями и «стали владеть устами своими», т. е. начали разговаривать и дерзить бывшим господам. Тяжелый труд, разноплеменность и разобщенность рабов не способствовали пониманию ими подлинных целей борьбы. Восставшие разрушают судебные палаты: «Воистину, прекрасная судебная палата. Расхищены ее акты, лишены хранилища ее тайн своего содержания. Воистину, вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Воистину, свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрестках. Бедные люди сламывают их печати на улицах». Далее в «Речениях» описываются следующие важные события: «Столица, она разрушена в один час.

Начальники страны спасаются бегством». Восставшие захватили даже фараона в свои руки: «Смотрите: погребенный соколом [царь], он лежит на [простых] носилках. То, что скрывала пирамида, то стоит теперь пустым [гробница царя]. Смотрите: было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми, не знающими закона»⁷. Но восставшие не отменили рабовладельческих отношений. Это и понятно: значительная часть самих восставших стремилась обзавестись рабами.

Хотя из источников нам неизвестно, но само собой разумеется, что восстание было подавлено. Следует также отметить, что многие ученые сомневались относительно достоверности описываемых в «Речениях Ипусера» событий. Дж. Г. Брэдфорд и Эдуард Мейер считали это произведение памятником пророческой литературы. А. Гардинер и Б. А. Тураев — поучением наследнику престола. В. И. Авдиев расценивал это произведение как исторический документ, но, по-видимому, ближе всех стоит к истине акад. В. В. Струве, который рассматривает его как памятник политической поэзии, т. е. произведение, повествующее о действительно происшедших событиях, но в поэтической форме. Поэтому в нем отсутствуют исторические детали: хронология, имя фараона, предводители восставших и т. д. Большинство советских исследователей убеждено, что в этом произведении дается настолько яркое и образное описание народного восстания и рисуются столь реалистические картины, непосредственно выхваченные из реальной жизни, что нельзя не признать историчности описанных событий⁸.

В конце XIX династии (т. е. около 1200 г. до н. э.) произошли вновь серьезные выступления низов египетского общества. Рассказ об этих событиях изложен в «Завещании Рамзеса III», второго царя новой XX династии (1200—1085 гг.). Из этого сбивчивого и малопонятного рассказа мы узнаем о восстании, во главе которого стоял сириец (раб или наемник) Ирсу. «Один убивал другого — знатные и бедные», с богами «обращались как с людьми», не оказывали почет жречеству. Знать подавила этот мятеж, фараон Сетнахт (основатель XX династии) «привел в порядок всю страну, ранее бунтовавшую. И уничтожил он злоумышленников,

которые были в Египте»⁹. К сожалению, мы ничего не знаем об этом Ирсу, не можем определенно утверждать относительно участия рабов в движении. Источник, составленный каким-нибудь жрецом или вельможей, никогда детально не описывает народные движения.

В правление Рамзеса III взбунтовались рабочие некрополя из-за неполучения жалованья, удерживаемого чиновниками. Они кричали: «Мы голодны уже 18-й день». Когда власти прислали жрецов, чтобы уговорить бунтующих, последние заявили: «Мы ушли сюда от голода и жажды. У нас нет платья, нет масла, нет рыбы, пищи. Напишите об этом фараону, нашему милостивому господину, чтобы нам дали возможность существовать». На следующий день начался бунт в крепости некрополя. «Сказал Пехор: уходите и захватите с собой инструменты, разбейте двери, заберите жен и детей; я пойду перед вами к храму Тутмоса III и посажу вас там». Когда рабочим, прекратившим работу, выдали половинные порции продовольствия, они успокоились, но потом опять стали бунтовать¹⁰.

Следует обратить внимание на то, что положение рабов на Древнем Востоке отличалось большим разнообразием, причем в такой степени, что до сих пор историками не дано четкого определения понятия «древневосточный раб», на что указывал акад. М. А. Коростовцев¹¹. Раб в эпоху Старовавилонской династии (1894—1595 годы) имел определенные права, например, мог жениться на свободной и дети его при этом не становились рабами, мог приобрести движимое имущество, о чем свидетельствует законодательство Хаммурапи (§§ 175, 176). В Ассирии пленных, которых обычно считают рабами, сажали на землю, причем они определенное количество дней работали для выплаты податей, в остальное время — на себя, несли некоторые повинности, в том числе и воинскую, но могли сами приобретать рабов, средства производства, какое-то имущество, передаваемое по наследству¹². Наряду с этим нам известны крайне суровые условия жизни других категорий рабов, находившихся на строительстве оросительных каналов, культовых сооружений, в частности, пирамид, в рудниках и т. д. Источники ничего не говорят о каких-либо послаблениях для них.

Как уже говорилось, наиболее распространенной формой борьбы рабов было бегство от хозяев. В Египте оно

было сильно затруднено всегда, но особенно в эпоху Нового царства, когда страна охранялась густой сетью укреплений и постов, а также действовал прекрасно налаженный сыск. О преследовании беглых рабов рассказывает папирус Анастаси V, относящийся к концу Нового царства и хранящийся в Британском музее. Судя по тому, что о поимке рабов заботится царское хозяйство, беглецы были, по-видимому, государственными (царскими) рабами. В этом документе начальник лучников Какемур из Чеку (укрепление на Синайском перешейке) сообщает, что ему «было приказано в палатах дома царева — да будет он жив, цел, здрав — в месяц 3-й засухи, день 9-й, во время вечера, преследовать этих двух рабов» и требует от двух других начальников лучников содействия в поимке беглых¹³.

Наиболее невыносимые условия жизни и работы египетских рабов были, как уже сказано, в каменоломнях и рудниках. Об этих условиях на золотых приисках в стране Куш, или Эфиопия (совр. Судан), рассказывает Диодор Сицилийский. Хотя его описание относится к I в. до н. э., нет сомнения в том, что его можно отнести и к предшествующим векам, когда эти рудники принадлежали не царям из династии Птолемеев, а египетским фараонам, поскольку рудники были открыты еще во времена Древнего царства. На них трудились рабы-военнопленные, отбывавшие наказание преступники как из рабов, так и из свободных, в том числе женщины и дети (по обычаю того времени преступников настоящих или мнимых отправляли к месту наказания с их семьями). Палящее солнце, недостаток воды и продовольствия, крайне суровый режим и непомерные нормы выработки делали труд людей сплошным кошмаром. «Никто из них,— пишет Диодор,— не заботится о своем теле и не имеет даже одежды, чтоб прикрыть свою наготу. Поэтому нет такого человека, который, увидев все это, не пожалел бы обездоленных из-за чрезмерности их несчастья. Ведь ни больной, ни искалеченный не получают никакого снисхождения: не принимаются во внимание ни старость, ни женская слабость, но всех их принуждают побоями постоянно продолжать работу, пока они не погибнут в мучениях. Поэтому из-за чрезмерности наказания несчастные всегда считают будущее страшнее настоящего и смерть принимают охотнее, чем жизнь» (III, 13). К. Маркс по этому поводу писал: «Ужасным

становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании... золота и серебра»¹⁴.

От непосильного труда и повинностей бежали не только рабы, но и свободные. Согласно одному документу из дворцового архива города Мари (XVIII в. до н. э.), правитель города Терка жалуется своему царю в Мари, что из 400 человек в его городе лишь половина приступила к выполнению работ, другие же убежали. Такие же донесения с указанием количества людей, не приступивших к работе, встречаются в период процветания Ассирии при Саргонидях (VIII в. до н. э.)¹⁵. К Ново-вавилонскому царству относится документ, в котором надсмотрщик доносит чиновнику дворцового управления, что каменщики отказываются производить работы, предписанные царем. Причина: дворцовая администрация задержала заработную плату за два месяца¹⁶.

В Палестине, в Израильском и Иудейском царствах уже в IX в. до н. э. зафиксировано источниками резкое обострение сословно-классовых противоречий. Бедные крестьяне продают свои наделы, появляется долговая кабала, чему содействует развитие ростовщичества. Потомки покоренного израильско-иудейскими завоевателями населения (ханаанеи, филистимляне) обращаются в рабов и трудятся главным образом в царском и храмовом хозяйствах. Свободные бедняки, утратившие земельные наделы, по своему фактическому положению приближаются к рабам, не сливаясь, однако, полностью с ними. Протест против новых порядков в древнееврейских государствах приобретает религиозную форму. Так называемые пророки (наби) в ярких публичных речах, произносимых на площадях (обычно во время праздников), обличали царей, знать и богачей. Они объясняли все бедствия народа отступлением от божественных предписаний, грозили гибелью государства под ударами завоевателей, постоянная опасность со стороны которых выдавалась ими за гнев бога Яхве, недовольного недостаточным почтением к его культуре. «Пророки» впервые появились во 2-й половине VIII в., из библейских книг нам известны их имена. Амос, Исайя, Иеремия и др. возмущены тем, что бедняка продают за серебро, а богачи и жрецы присоединяют дом к дому, поле к полю. «Горе вам,— угрожает Исайя,— прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле»

(Книга пророка Исаяи, V, 8). «...Продают правого за серебро,— обличает Амос,— и бедного за пару сандалий. Они стремятся к тому, чтобы голова бедных была в прахе земном» (Книга пророка Амоса, II, 6—7). Вот убитая горем вдова рассказывает пророку Елисею (IX в. до н. э.): «Раб твой, муж мой, умер; а ты знаешь, что раб твой боялся господя; теперь пришел заимодавец взять обоих детей моих в рабы себе» (Четвертая книга царств, IV, 1).

К борьбе пророки не призывали, а грозили притеснителям гневом Яхве. Все беды, по их мнению,— результат отступления от божественных предписаний. «Омойтесь, очиститесь; удалите деяния ваши с глаз моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову»,— поучает Исаяя (I, 16—17). После катастроф Яхве пошлет мессию («помазанника божия»). Но в обличительных речах «пророков» отчетливо видны классовые противоречия и беззащитная наглость богачей и жрецов по отношению к народным низам.

Ярко выраженное проявление классовой и сословной борьбы с частым применением вооруженного насилия мы можем проследить во время Иудейского восстания в 66—73 гг. Буржуазные историки, особенно еврейские богословы и сионисты, изображают эту войну как «национальное» восстание евреев против Рима. Они представляют дело так, что главной причиной войны было желание евреев сохранить свою религию¹⁷. Эти ученые умышленно не замечают, что освободительное движение народа Иудеи против римлян переплелось с ожесточенной классовой борьбой против иудейской аристократии, жречества и ростовщиков. Народные массы Палестины находились под двойным гнетом — римским и собственных богачей.

Из сообщения Иосифа Флавия («Иудейская война» = И. в., II, 15, 6) видна предательская роль, которую играла во время восстания иудейская знать, пошедшая на сделку с римским прокуратором Гессием Флором. Такую же трусливую позицию занял и царь Иудеи Агриппа II, преданный римским хозяевам (он воспитывался в Риме при императорском дворе). Всю тяжесть чужеземного гнета имущие верхи переложили на плечи трудящихся, а римские гарнизоны служили

для них защитой от народного гнева. Прогрессирующее ухудшение положения трудящихся масс привело к взрыву.

Ядром восстания были зелоты («ревнители»). Они боролись против римского господства под религиозными лозунгами, преследуя цель создать «республику божью» (Иосиф Флавий, «Иудейские древности» = И. д., XVIII, 1, 6). Однако зелоты не доверяли фарисеям и вскоре поняли, что духовная и светская власть предает народ. Иосиф Флавий тенденциозно освещает деятельность зелотов, поскольку они выражали интересы народа и боролись против иноземных поработителей, фактическим слугой которых был древнееврейский историк (И. в., IV, 3, 4—14; V, 1, 1—2, VI, 1, 1; VII, 8, 1). Более радикальной во время восстания была группировка сикариев, которых Иосиф Флавий называет не иначе как разбойниками (И. в., II, 13, 3; IV, 9, 3—4; VII, 8, 1). Многие буржуазные ученые разделяют это мнение, но советские историки находят даже в «Иудейской войне» достаточно данных, чтобы прийти к выводу, что сикарии представляли политическое течение, отражавшее интересы наиболее бедных слоев народа. Некоторые авторы считают сикариев радикальным крылом зелотов¹⁸. Вождь сикариев Симон сын Гиоры привлек в свое войско многих рабов, пообещав им свободу. Сикарии были наиболее активными борцами против римских легионов и иудейской верхушки. В числе первых жертв сикариев оказался бывший первосвященник Ионатан (И. в., II, 13, 3). Сикарии стремились к ликвидации социального неравенства. Они освобождали рабов (И. в., IV, 9, 3), уничтожали долговые обязательства (И. в., II, 17, 6), возвращали крестьянам отнятые у них земли, в первую очередь расправлялись с еврейскими богачами, сожгли дворцы знатных лиц, убили многих представителей аристократии (И. в., II, 17, 9). Выражением классовой борьбы следует считать также нападение группировки зелотов на сикариев и истребление значительной части последних во главе с их вождем Менахемом. Уцелевшие бежали в крепость Масаду (И. в., II, 17, 9). Однако и сами зелоты во главе с Иоанном Гисхальским перебили в Иерусалиме около 12 000 человек «благородного происхождения», в том числе первосвященников Анана и Иошуа (И. в., IV, 5, 2—3). Впрочем, не исключено, что Иосиф Флавий значительно преувеличил

число убитых знатных, дабы больше очернить поступки зелотов. Вождь сикариев Симон сын Гиоры ненавидел как иноземных захватчиков, так и отечественных эксплуататоров (И. в., II, 19, 2; 22, 2; VII, 2, 1), он обещал улучшить материальное положение свободной бедноты. Основной контингент его отрядов составляли мелкие свободные земледельцы, пауперы и рабы (И. в., IV, 9, 3—4). В вопросах социальных преобразований сикарии шли дальше зелотов. Призывы Симона освободить рабов ставили под удар основы рабовладения. Народные угнетенные массы питали к вождю сикариев глубокие симпатии. Автор «Иудейской войны» сообщает, что кроме хорошо вооруженной армии в 20 тысяч за Симоном следовали еще 40 тысяч человек (IV, 9, 7). Отношения между зелотами и сикариями отличались сложностью: с одной стороны, они враждовали (особенно вожди Симон и Иоанн), но в борьбе с римлянами и своей знатью выступали сообща (И. в., IV, 9, 12; V, 1, 5).

Существующие источники по истории некоторых восточных народов не содержат сведений о классовой и сословной борьбе, но это обстоятельство вовсе не говорит о том, что ее у них не было и объясняется тем, что многие источники погибли в течение веков, а уцелевшие еще не разысканы учеными. Сказанное относится прежде всего к хеттам, излагая историю которых советский исследователь В. В. Иванов не в состоянии из-за отсутствия данных сказать что-либо определенное о социальных конфликтах в данном обществе¹⁹. Лишь не совсем достоверно читаемая надпись сообщает, что при царе Телепину (ок. 1525—1500 гг. до н. э.) «рабы царевичей восстали, они начали их дома разрушать, своих господ предавать и проливать их кровь». На основании подобного сообщения нельзя составить конкретного представления о происходивших событиях.

Однако иногда авторы даже серьезных трудов не используют все имеющиеся в распоряжении науки источники, которые содержат сведения о классовой борьбе в древнем мире. Во «Всемирной истории»²⁰ сказано: «Для истории Ассирийской державы в конце IX — первой половине VIII в. до н. э. новым явилось, во-первых, резкое обострение классовой борьбы, хотя о конкретных фактах этой борьбы источники прямо не говорят...» А между тем еще в 1938 г. были опубликованы асси-

для них защитой от народного гнева. Прогрессирующее ухудшение положения трудящихся масс привело к взрыву.

Ядром восстания были зелоты («ревнители»). Они боролись против римского господства под религиозными лозунгами, преследуя цель создать «республику божью» (Иосиф Флавий, «Иудейские древности» = И. д., XVIII, 1, 6). Однако зелоты не доверяли фарисеям и вскоре поняли, что духовная и светская знать предает народ. Иосиф Флавий тенденциозно освещает деятельность зелотов, поскольку они выражали интересы народа и боролись против иноземных поработителей, фактическим слугой которых был древнееврейский историк (И. в., IV, 3, 4—14; V, 1, 1—2, VI, 1, 1; VII, 8, 1). Более радикальной во время восстания была группировка сикариев, которых Иосиф Флавий называет не иначе как разбойниками (И. в., II, 13, 3; IV, 9, 3—4; VII, 8, 1). Многие буржуазные ученые разделяют это мнение, но советские историки находят даже в «Иудейской войне» достаточно данных, чтобы прийти к выводу, что сикарии представляли политическое течение, отражавшее интересы наиболее бедных слоев народа. Некоторые авторы считают сикариев радикальным крылом зелотов¹⁸. Вождь сикариев Симон сын Гиоры привлек в свое войско многих рабов, пообещав им свободу. Сикарии были наиболее активными борцами против римских легионов и иудейской верхушки. В числе первых жертв сикариев оказался бывший первосвященник Ионатан (И. в., II, 13, 3). Сикарии стремились к ликвидации социального неравенства. Они освобождали рабов (И. в., IV, 9, 3), уничтожали долговые обязательства (И. в., II, 17, 6), возвращали крестьянам отнятые у них земли, в первую очередь расправлялись с еврейскими богачами, сожгли дворцы знатных лиц, убили многих представителей аристократии (И. в., II, 17, 9). Выражением классовой борьбы следует считать также нападение группировки зелотов на сикариев и истребление значительной части последних во главе с их вождем Менахемом. Уцелевшие бежали в крепость Масаду (И. в., II, 17, 9). Однако и сами зелоты во главе с Иоанном Гисхальским перебили в Иерусалиме около 12 000 человек «благородного происхождения», в том числе первосвященников Анана и Иошуа (И. в., IV, 5, 2—3). Впрочем, не исключено, что Иосиф Флавий значительно преувеличил

число убитых знатных, дабы больше очернить поступки зелотов. Вождь сикариев Симон сын Гиоры ненавидел как иноземных захватчиков, так и отечественных эксплуататоров (И. в., II, 19, 2; 22, 2; VII, 2, 1), он обещал улучшить материальное положение свободной бедноты. Основной контингент его отрядов составляли мелкие свободные земледельцы, пауперы и рабы (И. в., IV, 9, 3—4). В вопросах социальных преобразований сикарии шли дальше зелотов. Призывы Симона освободить рабов ставили под удар основы рабовладения. Народные угнетенные массы питали к вождю сикариев глубокие симпатии. Автор «Иудейской войны» сообщает, что кроме хорошо вооруженной армии в 20 тысяч за Симоном следовали еще 40 тысяч человек (IV, 9, 7). Отношения между зелотами и сикариями отличались сложностью: с одной стороны, они враждовали (особенно вожди Симон и Иоанн), но в борьбе с римлянами и своей знатью выступали сообща (И. в., IV, 9, 12; V, 1, 5).

Существующие источники по истории некоторых восточных народов не содержат сведений о классовой и сословной борьбе, но это обстоятельство вовсе не говорит о том, что ее у них не было и объясняется тем, что многие источники погибли в течение веков, а уцелевшие еще не разысканы учеными. Сказанное относится прежде всего к хеттам, излагая историю которых советский исследователь В. В. Иванов не в состоянии из-за отсутствия данных сказать что-либо определенное о социальных конфликтах в данном обществе¹⁹. Лишь не совсем достоверно читаемая надпись сообщает, что при царе Телепину (ок. 1525—1500 гг. до н. э.) «рабы царевичей восстали, они начали их дома разрушать, своих господ предавать и проливать их кровь». На основании подобного сообщения нельзя составить конкретного представления о происходивших событиях.

Однако иногда авторы даже серьезных трудов не используют все имеющиеся в распоряжении науки источники, которые содержат сведения о классовой борьбе в древнем мире. Во «Всемирной истории»²⁰ сказано: «Для истории Ассирийской державы в конце IX — первой половине VIII в. до н. э. новым явилось, во-первых, резкое обострение классовой борьбы, хотя о конкретных фактах этой борьбы источники прямо не говорят...» А между тем еще в 1938 г. были опубликованы асси-

рийские списки эпонимов (лимму), где прямо упоминаются восстания этого времени в коренных ассирийских городах²¹.

«763 г. до н. э. Бурсагале из Гузаны; восстание в городе Ашшур.

762 г. до н. э. Табэлла из Амеди; в городе Ашшур восстание.

761 г. до н. э. Набумукинахи из Ниневии; восстание в городе Аррапхе.

760 г. до н. э. Лакипу из Какзу; восстание в городе Аррапхе.

759 г. до н. э. Паниашшурламура из Арбэлы; восстание в городе Гузана. Чума.

758 г. до н. э. Бэлтаклака из Исаны; в Гузана спокойно, в стране»²². Следовательно, приведенный источник говорит о высшей форме классовой борьбы, о восстаниях, хотя деталей не указывает. Но мы можем предположить, что восставшими были городская беднота или рабы. Также напрашивается вывод о продолжительности борьбы и упорстве восставших, ибо в Ашшуре, как видно из источников, восстание длилось около двух лет, то же самое можно сказать о восстании в Аррапхе.

В Индии на ранней стадии развития рабовладения «острота внешних проявлений классового антагонизма должна была несколько смягчаться определенной патриархальностью отношений между рабом и господином»²³.

В источниках есть данные о разного рода народных возмущениях и даже о восстаниях. Но характер этих выступлений определить трудно. Видимо, как предполагают советские исследователи, выступали и рабы, и свободная беднота. Но кроме крайних мер — восстаний — были и скрытые. Например, расправа, вредительство хозяину и даже его тайное убийство, бегство, саботаж. По-видимому, именно разорившихся мелких производителей и беглых рабов мы встречаем в источниках под именем «разбойников»²⁴.

Социальная борьба в древнем мире нередко принимала религиозную форму. Хотя и в скрытом виде, но протест против сословного неравенства прослеживается в буддизме, религии, возникшей в VI в. до н. э. в Индии и противостоящей более древней религии — брахманизму, которая освящала существование рабов, неприкасаемых, четырех сословий — варн и господство выс-

шей из них — брахманов (жрецов). Буддизм же провозгласил равенство людей, принадлежащих к разным сословиям, чем привлек к себе людей низших сословий (вайшьи и шудры), а также неприкасаемых (ачхут) и даже рабов, которые не были включены в сословную организацию²⁵. Правда, это было уравнение людей в духовной области, так как согласно буддийскому учению для достижения нирваны (конечной цели в спасении человека) родовитость, принадлежность к варнам никакой роли не играют: «...четыре касты — кшатриев, брахманов, вайшья и шудра, когда они в соответствии с законом и доктриной, которую проповедовал Совершенный, отказываются от дома и становятся бездомными, теряют свое старое наименование и свое происхождение и начинают носить только одно имя — «аскеты, которые следуют сыну дома Сакья»²⁶. Равенство всех живых существ в страдании и спасении проповедуется буддизмом также с помощью джатак. Это народные сказки древней Индии, переработанные буддийскими авторами, сделавшими их главным действующим лицом Будду в его прежних 550 перерождениях, которые он прошел на пути к полному совершенству. Он был шудрой, пастухом, вожакom слонов, каменщиком, резчиком, танцовщиком, грязным животным. Наряду с этим он возрождался и в облике царей, раджей, отшельников, брахманов²⁷.

С буддизмом в борьбе за религиозное влияние конкурировал адживикизм. Это учение тяготело к критике кастовой системы и к социальной реформе. Среди сторонников адживикизма мы видим не только выходцев из богатых слоев, но и из низших²⁸.

В Китае общественную дифференциацию можно проследить, начиная с эпохи позднего Шан-Инь (XIV — XI вв. до н. э.). На одном полюсе находится правитель (ван), его родичи, жрецы, чиновники, на другом — неисчислимая масса рядовых общинников²⁹. На значительное удаление от родоплеменных традиций указывает тот факт, что ван соединяет в своих руках функции руководителя хозяйственной жизни, военного вождя и главы культа. Но, возможно, ошибкой некоторых исследователей является стремление искать раннеклассовое общество уже в раннем периоде указанной эпохи (XVIII — XV вв.)³⁰.

В эпоху Чжоу (начинается с XI в. до н. э.) возника-

ют представления, согласно которым деление людей на «благородных» и «низких» единственно правильно и необходимо для нормальной жизни общества. В китайских источниках этой эпохи встречаются изречения подобного рода: «Благородные напрягают свой ум, низкий люд напрягает свою силу. Это установление правителей древности»³¹. А философ Мэн-цзы (ок. 372—289 гг.) впоследствии развивает эту мысль следующим образом: «Напрягающие ум управляют людьми, напрягающие силу (мускулы) управляются людьми. Управляемые людьми кормят других; управляющие людьми кормятся за счет других. Таков всеобщий закон в Поднебесной»³².

В эпоху Чжоу картина социальных отношений по источникам выглядит следующим образом: «благородные» (цзюнь-цзы, букв. «дети правителя»), «власть имущие» (да жэнь, букв. «большие люди») на одном полюсе и «низкие люди» (сяо-жэнь, букв. «маленькие люди») — на другом³³. В правовом отношении существовало еще деление на пять сословий или социальных групп, соотнесенных друг с другом по принципу иерархии, значительно более четко выраженной, чем в других странах Востока. Вершина в иерархической лестнице — ваны (с неограниченной властью), вторая ступень — чжу-хоу — высшая аристократия, третья — дафу — главы цзунцзу (родоплеменных групп), четвертая — ши — главы больших семейных общин, входивших в цзунцзу. И, наконец, низшая группа свободного населения — шужэнь, т. е. рядовые люди цзунцзу. Принадлежность человека к этим пяти сословиям устанавливалась в зависимости от родства: кто был отец человека и каким по счету сыном в семье родился этот человек. Старший сын наследовал ранг своего отца, а остальные сыновья опускались на одну ступеньку ниже кроме шужэней (букв. «престололюди»). Именно шужэни составляли подавляющее большинство населения в земледельческом чжоусском обществе, являясь основными производителями материальных благ. Существовавшее представление о том, что глава цзунцзу является старшим родственником, воплощающим в себе интересы всей родоплеменной группы в целом, скрадывало и маскировало отношения социального неравенства и эксплуатации, существовавшие внутри цзунцзу. Регулярные приношения, совершаемые шужэнями старшему в цзунцзу,

облекались в форму культа, так как только старший мог приносить жертвы предкам и тем самым обеспечивать всем своим родственникам покровительство умерших³⁴. Определенная часть прибавочного продукта, поднимаясь по иерархической лестнице, достигает ее вершины — вана. Но отношения эксплуатации камуфлировались частичным перераспределением поступающего продукта, которое систематически осуществляли главы общин. Одной из форм такого перераспределения были совместные трапезы, устраиваемые для всех сородичей. «И те едят и пьют вино его (главы общины), и как царя, как предка чтут его» — поется в песне того времени³⁵.

Различные категории рабов (цзао, ли, юй) не входили в общественную иерархию. Они пополнялись за счет внешних источников (порабощение военнопленных и части завоеванного населения предыдущего государства Шан-Инь). «Мужчин превращают в возниц, конюхов или слуг, а женщин заставляют обрушивать зерно»³⁶. Незначительным источником было порабощение за преступления³⁷. Ремесленники и торговцы по своему положению приравнивались к простолюдинам и отличались от последних лишь по профессиональному признаку. Их профессии были наследственными³⁸.

Своеобразие социальной структуры и социальных противоречий чжоусского Китая определяется еще и тем, что здесь не только накопление богатств в руках отдельных лиц приобщало их к разрядам знати, но и принадлежность к тому или иному слою, в свою очередь, давала право на присвоение определенной доли прибавочного продукта. Поскольку место человека в системе пяти общественных рангов (сословий) определялось принципом генеалогического родства, то производственные отношения в эпоху Чжоу во многом совпадали с отношениями этого родства. Однако эти пережиточные явления постепенно отмирают с развитием отношений собственности. В Китае «неуклонно шел процесс перехода от государственных форм эксплуатации к частным», возрастало вплоть до первых веков нашей эры и число частновладельческих рабов³⁹. Отсюда настоятельное требование ломки старых перегородок, которая была совершена реформами Шан Яна в середине IV в. до н. э. Шан Ян стремился ликвидировать остатки общинного строя. К этому в основном сводились все его

нововведения в области аграрной, финансовой, административной и военной. В области земельной реформы он закрепил землю за отдельными семьями или лицами. Земельные наделы стали отчуждаемы. Эта аграрная реформа повлекла за собой реформы финансовую и административную. Прежний порядок взимания налога одной десятой дохода со всех пашен в зависимости от урожая Шан Ян заменил натуральным налогом, который взимался со всех земледельцев в твердо установленном размере, независимо от урожая. По линии административной реформы было отменено прежнее деление по родам и племенам и заменено делением территориальным. Вместо прежних родовых обычаев стал господствовать закон, выполнение которого было обязательным для всех. Были установлены табели наказаний, по которым строго карался не только преступник, но и знавший о преступлении и не донесший о нем.

В военном деле Шан Ян вместо прежнего ополчения создал постоянное войско, как опору государства.

Так, реформы Шан Яна открыли путь к развитию частной собственности, к укреплению государственных устоев. После этих реформ классовые противоречия в китайском обществе между эксплуататорами-богачами и эксплуатируемыми-бедняками стали наиболее явными, откровенными. Эти откровенные противоречия очень хорошо видны в мощном восстании III в. до н. э.⁴⁰ Развившиеся отношения частной собственности ведут к изменению и источников рабства. В эпоху Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) главный источник рабства не внешний, а внутренний. Основной источник частных рабов — разорившиеся простолюдины, продававшие себя или своих детей в рабство ради уплаты долгов. Государственные рабы — это, главным образом, родственники лиц, осужденных на смерть за преступления. Согласно ханским законам, «жена и дети преступника обращаются в рабов и подвергаются клеймению». Дети рабов считаются рабами⁴¹. В отличие от эпохи Чжоу человек может перейти из одного сословия в другое. Разбогатевший простолюдин имел право купить себе ранг знатности. А человек знати, прогневивший императора или кого-нибудь из его окружения, мог быть обращен в раба вместе с членами своей семьи. Легализация купли-продажи земли в IV в. до н. э. привела к тому,

что земля бывшей общины стала собственностью отдельных семей.

В ранний период Восточной Хань, в частности, в правление Лю Сю (25—57 гг.), происходит резкое сокращение рабства в империи. Освобожденные рабы превращались в простолюдинов. Крупные землевладельцы стремятся «укрыть» свободных арендаторов, воспрепятствовать выплате ими налогов в императорскую казну. В силу этого меняется социальное положение бедняка-арендатора: он попадает в путы личной зависимости от землевладельца. Этому процессу содействует сохранившаяся в Китае клановая организация. Обедневшие члены клана попадали в экономическую зависимость от своих богатых сородичей, арендуя их землю ⁴².

Мы изложили относительно детально социальную структуру древнего Китая, во-первых, потому, что она по сравнению с «классическими» странами Востока менее известна студентам, во-вторых, для более ясного представления о тех народных, нередко крупномасштабных движениях, к описанию которых переходим.

В книге «Цзо чжуань» (комментарий к хронике царства Лу «Чунь цю» («Весна и осень»), которая излагает события с 722 до 481 гг. до н. э., содержатся сведения об отдельных случаях убийства рабами своих господ и о рабских мятежах. Одно из таких движений происходило в царстве Чжэн в VI в. до н. э. В это время разразилось восстание рабов и свободных бедняков во главе с неким Дао Чже. Как пишет философ Чжуан-цзы (369—286 гг. до н. э.), вооруженные повстанцы «свободно продвигались по стране, нападали на государства, громили дома, уводили скот и людей». Данные источников о введении в это время чрезвычайно строгих законов в некоторых китайских царствах (Хань, Вэй, Цинь) также свидетельствуют об обострении классовых противоречий. После смерти Цинь Шихуана (210 г. до н. э.) бедные земледельцы, доведенные до отчаяния, восстали. К ним присоединились рабы частные и государственные. Восстание началось осенью 209 г. до н. э. в Северном Аньхое. Во главе его стояли разорившиеся крестьяне Чэнь Шэн и У Гуан. В составе большой партии их отправили на северные границы для отбывания воинской повинности. По дороге, убив начальника партии, они убедили этапных поднять восстание. Зимой

следующего года повстанцы подступили к столице Синьяну. Хотя руководители погибли, но восстание вызвало ряд других движений. Основным же требованием было свержение ненавистной циньской династии. В 207 г. до н. э. столица была захвачена повстанцами и династия свергнута. В 122 г. до н. э. в Сычуани начались волнения из-за тяжелых повинностей, связанных с постройкой военных дорог. В 99 г. до н. э. в Хэнани, Аньхое, Шаньдуне и Хэбэе вспыхнули восстания против местных властей. Некоторые отряды повстанцев насчитывали по несколько тысяч человек. Они захватывали оружие в арсеналах, убивали ненавистных чиновников, осаждали города. Однако в следующем году народные движения были жестоко подавлены.

Обстановка накануне восстания «краснобровых» (18—27 гг. н. э.) обострилась из-за неурожая, вызванного засухой и нашествием саранчи. Огромные толпы голодающих двигались по дорогам в поисках пропитания. Но это лишь второстепенная причина восстания. Главная изложена в «Истории Ранней династии Хань» («Цянь Хань шу»), авторами которой являются отец, сын и дочь Бань (Бяо, Гу и Чжао). По образному выражению китайских историков (их труд написан в 58—85 гг.), «поля богатых протянулись и вдоль и поперек, а у бедных не стало места, чтобы воткнуть шило... Военные и трудовые повинности в году в тридцать раз больше, чем в древности, земельный и подушный налоги, сборы за соль и железо в двадцать раз больше, чем в древности, некоторые обрабатывают поля крупных землевладельцев за половину урожая. Поэтому бедный народ постепенно одевается в шкуры животных, ест пищу собак и свиней. Это усиливается еще тем, что алчные и жестокие чиновники своевольно приговаривают и убивают их»⁴³. Бань предлагают меры для изменения существующего положения: «Ограничить частное владение землей, чтобы уравнять с теми, у кого земли недостаточно. Прекратить захват земли. Отдать народу соль и железо. Отменить рабство. Отменить право на убийство рабов. Облегчить налоги, сократить повинности, чтобы облегчить положение народа»⁴⁴. На вопрос императора Ван Мана о причине восстания специальный посланец отвечал так: «...все говорят, что страдают от множества запретов, что от них нельзя пошевелить рукой. Полученного от работы не хватает на уплату на-

логов и поборов. Люди закрывают двери, ни с кем не общаются и все-таки попадают в тюрьму как сообщники в выплавке монеты и хранении меди, согласно закону о круговой поруке пяти соседей за преступление одного из них. Чиновники замучили народ. От бедности все уходят в разбойники»⁴⁵.

Восстание «красных бровей» охватило главным образом провинцию Шаньдун и отличалось по сравнению с предшествующими большей организованностью и многочисленностью участников. Его руководителем был крестьянин-бедняк Фань Чун, который предложил всем восставшим окрасить брови в красный цвет, чтобы по этой примете он мог всегда узнать своих сторонников. Отсюда восстание получило название «краснобровых», Фань Чуну — человеку смелому и отважному — удалось под своим знаменем собрать менее чем за год больше 10 тыс. человек. В этой армии он установил строгую дисциплину: самовольно убивший человека, приговаривался к смертной казни. 10-тысячное войско восставших в 22 г. разгромило 100-тысячную армию императора Ван Мана. Другой очаг народного восстания возник в провинции Хубэй, где образовалась «армия зеленого леса». В 23 г. восставшие вторично разбили императорскую армию, захватили столицу и убили Ван Мана; но повстанцы не выдвигали собственных политических требований и боролись под лозунгом возвращения свергнутой Ван Маном ханьской династии. Поражение объясняется, главным образом, отсутствием у восставших ясного представления о цели восстания. Аристократу Лю Сю удалось поссорить «зеленый лес» и «краснобровых». Последние в бою были разбиты, Фань Чун погиб, а Лю Сю объявил себя императором в 25 г. Так возникла Поздняя или Восточная династия Хань.

Спустя полтора столетия на большой территории Китая разразилось гигантское восстание, которое по своим последствиям было более значительным, чем все прежние. Оно известно под названием восстания «желтых повязок». За этим восстанием последовал еще ряд восстаний, продолжавшихся в общей сложности два десятилетия (184—204 гг.). В «Истории Поздней династии Хань» («Хоу Хань шу», написана в V веке Фань Е, охватывает события с 24 по 219 гг.) сказано, что первоначальное количество «желтых повязок» составило число в 360 тысяч человек⁴⁶. Положение в стране на-

кануне взрыва было весьма напряженным. В последние десятилетия II века н. э. увеличилась концентрация земли в руках крупных землевладельцев, сопровождавшаяся ростом эксплуатации крестьянства и его обнищанием. В трактате «Правдивое слово» (автор — Чжун Чантун, II век нашей эры) представлена картина баснословного богатства китайской знати и как следствие этого — тяжелейшего положения народа: «В усадьбах знатных людей соединены вместе несколько сот домов. Их плодородные поля занимают всю землю, рабов и рабынь тысячи толп, а рабов-осужденных у них считают на десятки тысяч... Драгоценных подарков и дорогих товаров не могут вместить опромные здания, на коней, коров, баранов, свиней не хватит гор и долин»⁴⁷.

Поэтому в широких массах беднейшего крестьянства нашли поддержку даосские идеи. В тайных сектах предсказывалась неизбежность скорого осуществления «пути к великому равенству» (тай пин дао). Обще-признанным руководителем этих сект стал Чжан Цзио, проповедник и лекарь, которого в народе называли «великим, мудрым и добрым учителем». Его ученики (вначале восемь) говорили обездоленному люду: «Синее небо (т. е. правящая династия) уже гибнет. Желтое небо должно установиться. В год цзя-цзы (184) в Поднебесной воцарится великое счастье»⁴⁸. Отличие этого восстания от прежних состоит в том, что оно готовилось основательно в течение десяти лет; было создано 36 отрядов (фанов). Когда император получил донос и многие руководители (в том числе Ма Юань) были казнены, Чжан Цзио дал сигнал к немедленному выступлению, не дождавшись установленного им же срока. Он приказал всем повстанцам повязать головы желтыми платками (отличительный знак), откуда и пошло название восстания. Главными военными руководителями, кроме вождя, стали его братья Чжан Лян и Чжан Бао. Основными районами восстания стали провинции Хэбэй, Хэнань, Шаньдун и Хубэй. Повстанцы убивали чиновников, грабили склады, отнимали имущество у богатых, открывали тюрьмы, выпуская заключенных, освобождали рабов. Знать и начальники спасались бегством⁴⁹.

С крайней жестокостью с восставшими сражались не только императорские войска, но и отряды «сильных домов», т. е. отдельных представителей высшей знати.

Особенно отличался звериной ненавистью к повстанцам полководец Хуанфу Сун. В «Жизнеописании Хуанфу Суна» говорится: «Число отрезанных голов (восставших) достигло несколько десятков тысяч»⁵⁰. Чжан Цзио умер от болезни, а его братья погибли в боях. Хотя в начале 185 г. основные очаги движения «желтых повязок» были разгромлены, по всей стране вспыхнули новые восстания, которые не были связаны с даосской сектой. Наиболее сильными были отряды «Черной горы», «Желтого дракона», «Белой волны» (по прозвищу предводителей) и многих других; в них насчитывалось до миллиона человек⁵¹. После 20-летней борьбы с переменным успехом восстания были в конце концов подавлены. Несмотря на длительную подготовку, в целом они носили стихийный и малоорганизованный характер. Отдельные отряды действовали разобщенно, отсутствовала военная дисциплина⁵².

По мнению ряда советских и китайских синологов, серия восстаний, начатая «желтыми повязками», сыграла решающую роль в процессе распада Ханьской империи, расчистив почву для развития новых, более прогрессивных феодальных отношений, вступивших в силу с III в. н. э.

Как видно из имеющегося материала, на Древнем Востоке борьба свободных и полусвободных производителей явно преобладала над борьбой рабов. Это объясняется в том числе и нещадной эксплуатацией, которую осуществляла деспотическая власть. В народных восстаниях участвовали и рабы.

Классовая борьба в странах Древнего Востока часто проходила в скрытых формах, имела религиозную оболочку.

ГЛАВА II

КЛАССОВАЯ И СОСЛОВНАЯ БОРЬБА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Закономерный процесс возникновения классового общества в Древней Греции был достаточно длительным и в различных районах Средиземноморья проходил по-разному. Хотя историческая наука получила возмож-

ность составить некоторое достоверное представление об этом процессе в Греции, начиная со второй половины третьего тысячелетия до нашей эры, сведения о социальной борьбе того времени очень скудны.

Более обширные данные мы имеем, пожалуй, начиная лишь с XI—IX вв. до н. э. Характеризуя этот период истории Греции в целом, Ф. Энгельс видит «в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее...»¹ Свидетельство тому — отдельные выступления свободных рядовых воинов, о которых упоминается в гомеровском эпосе. Антагонизм между «жирными и тучными», с одной стороны, и простыми воинами прорывается наружу в «Илиаде», несмотря на старания автора затушевать раздоры.

Под Троей, на созванной Агамемноном для обсуждения вопроса о продолжении войны сходке воинов, выступает Терсит, резкими словами бичующий жадность и ненасытность басилеев (вождей), и высказывается за прекращение войны:

Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В куцах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем...
... Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!

(II, 225—228, 233—234).

Присутствовавший при этой сцене Одиссей поносит, а затем избивает «буйного ругателя» Терсита, восставшего против «Зевсу любезных царей». Гомер, симпатизируя последним, нарочито изображает внешность Терсита отталкивающей: он косоглаз, хромоног, горбат, с плешивой головой, которая торчит острием. Как в греческом войске, так и в троянском рядовые воины вступают в противоречия с басилеями:

Полидамат перед Гектором дерзостным стал и промолвил:
«Гектор! Меня неизменно бранишь ты, когда на собраниях
Я говорю справедливо. Никак допустить ты не можешь,
Чтоб человек из народа с тобою о чем-нибудь спорил
Ни на войне, ни в совете.
Лишь власть свою хочешь ты множить.»

(XII, 210—214).

Положение батраков (свободных, утративших свои земельные наделы) было настолько тяжелым, что автор «Одиссеи» считает худшей лишь участь мертвых:

Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужа безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.
(XI, 489—491).

В истории Древней Греции процесс становления классового общества и государства проходил, по крайней мере, двумя путями. Первый путь, которым прошло большинство государств,—это путь постепенного преобразования родовых институтов в государственные, поиски и находки новых институтов, присущих только государству. Второй путь — это путь завоевания, когда завоеватели полностью подчиняли себе землю и личность завоеванных. Это было государство завоевателей для подавления завоеванных.

Классическими образцами каждого из этих путей могут служить соответственно Афины и Спарта.

Однако своеобразие образования государства не может не наложить свой отпечаток на закономерности развития этих государств в целом и на развитие социальной борьбы в них в частности.

Общие закономерности и своеобразие процессов экономической и социальной дифференциации начинают проявляться уже в Архаической Греции (VIII—VI вв. до н. э.). Формы такой дифференциации были различны. Например, в Беотии существовал обычай атимии — лишения должников политических прав на какое-то время или навсегда. Должников, по свидетельству источника, приводили на городскую площадь и набрасывали на них корзину, после чего они уже не считались полноправными гражданами².

В условиях социальной дифференциации возникает в Беотии и своеобразная «идеология протеста бесправной массы против произвола знати»³. Отражением чаяний мелких и средних землевладельцев-производителей сохранить свою землю или даже преумножить богатство явился дидактический эпос, ярчайший образец которого — «Труды и дни» Гесиода.

Гесиод как современник важнейших социальных процессов не мог хоть в какой-то мере не отразить их в своем творчестве. Так, он упоминает о батраках, а также нищих, скитающихся по свету и просящих подавание у богатых, которые весьма неохотно его подают («Труды и дни», 400—402). В знаменитой басне о соловье

и ястребе («Труды и дни», 201—211) показан производ **знати**. В некоторых других местах поэмы дается представление о развитии рабства, носившего, видимо, патриархальный характер⁴.

Ненависть к народу нашла свое отражение в поэзии аристократов. Феогнид в своих элегиях рисует яркие картины борьбы в родном городе Мегарах (Нисейских), в середине VI в. до н. э. и призывает своих собратьев:

Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни,
Бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо.
Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ.

(887—890).

О том, что сословные перегородки в этот период еще достаточно преодолимы, говорят и факты о браках знати с богатыми представителями свободных общинников. Эти браки поэт-аристократ осуждает:

...А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать — только б с деньгами была!
Женщина также охотно выходит за низкого мужа,—
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы.

(185—189).

Сильнейшим желанием поэта-аристократа является «испить черной крови врагов». По его словам, «добрые дома лишились, а подлые городом праят» (193).

Острота классовой борьбы в Греции VII—VI вв. до н. э. проявлялась и в возникновении формы единоличного правления, основанной на политическом насилии — тирании. Тирани устанавливал свою власть, опираясь на беднейшие слои населения, боровшиеся против засилия родовой знати. Очень точно характеризует сущность такой тирании Аристотель («Политика», V, 9, 19—23).

Наиболее длительной была тирания Кипселидов в Коринфе, просуществовавшая больше 70 лет (ок. 675—580 гг. до н. э.). При тиранах Коринф стал важным экономическим центром. Здесь были изданы законы, направленные на ослабление влияния родовой знати. Тирани, по словам Геродота, проявлял жестокость к «выдающимся людям» (V, 92), т. е. знатым.

Однако после длительной тирании в Коринфе власть перешла к крупным купцам и землевладельцам, представлявшим олигархическую «партию».

Для борьбы свободных в Греции характерно наличие

группировок, которые в исторической литературе часто называются «партиями» (демократическая, олигархическая и другие «партии»). Студенту, однако, следует знать, что термин «партия» для античной истории употребляется чисто условно, так как политических партий в современном смысле слова древний мир совершенно не знал. Это были неустойчивые группировки людей, далеко не четко ограниченные одна от другой, не выдержанные строго в программно-тактическом отношении и весьма мало дисциплинированные. Их состав не был строго выдержан также в сословно-классовом отношении. Среди демократической «партии» было немало аристократов по происхождению и, наоборот, в олигархической «партии» нередко состояли люди из народа.

В малоазиатском городе Милете в начале VI в. до н. э. шла острая борьба двух «партий» — торговой и землевладельческой аристократии, с одной стороны, и ремесленников и крестьян — с другой. Об этой борьбе упоминает Плутарх («Греческие вопросы», 12). Аристократия проводила широкую колонизацию, выселяя своих политических противников за пределы полиса. Гераклид Понтийский и Николай Дамасский сообщают об ужасных жестокостях, сопровождавших эту борьбу. Сначала верх одержали демократы. Они прогнали «богачей», загнали их детей на гумно, где их растоптали быки. Когда знать вновь захватила власть (в ее среде также шли раздоры), то виновники гибели ее детей вместе с их детьми были обмазаны смолой и сожжены. Важным фактом является сообщение Геродота (V, 28, 29), о том, что борьба в Милете продолжалась в течение двух поколений, т. е. примерно 60 лет. Согласно Эдуарду Мейеру, внутренние междоусобия происходили в этом городе-государстве примерно с 590 до 540 гг. до н. э.⁵ После распрей, рассказывает Геродот, установилось на какое-то время правление «выборных тиранов» из средних слоев (μεσοί), занимавшихся главным образом земледелием.

Столь же противоречиво и весьма болезненно шел процесс ломки старых порядков в Аттике.

Здесь, согласно сведениям Аристотеля (Плутарх «Тесей», 25), конституция Тесея разделила все население на три категории: эвпатридов, геоморов и демиургов. То, что такое деление свидетельствует о зачатках

процесса классового образования, заметил еще Ф. Энгельс, писавший о «разделении всего народа... на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников» и о «предоставлении благородным исключительного права на замещение должностей»⁶. Такое деление на разряды уже содержит зачатки общественных групп — благородных-эксплуататоров и мелких собственников-производителей, известных под названием демос (народ). Эвпатриды уже в это время представляли из себя ярко выраженный класс-сословие, который был един в борьбе с демосом. Демос же, соединявший различные сословия свободных, не представлялся единым вплоть до конца Пелопоннесской войны: его разные прослойки исходили нередко из противоположных интересов (купцы и феты). Из этого проистекала напряженность классовой и сословной борьбы в Афинском государстве. Острая борьба демоса (земледельцев, ремесленников, торговцев) с эвпатридами длилась в течение VII—VI вв. до н. э. Родовая знать медленно отступала, идя на ряд уступок. Одной из них было согласие на первую запись правовых обычаев. Она была произведена законодателем Драконом около 621 г. до н. э. Запись законов была призвана ограничить произвол суда, находившегося все еще в руках аристократов, которые толковали обычное право в эгоистических интересах людей своего класса.

Крупную победу в борьбе с эвпатридами одержал афинский демос в 594 г. до н. э. в результате реформ Солона. Обстановку в Аттике накануне реформ Аристотель в «Афинской политии» (V, 1—2) изображает лаконично: «...большинство народа было в порабощении у немногих, народ восстал против знатных. Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других». В какие формы облекалась эта борьба — сказать трудно. Из контекста Аристотеля можно предположить, что дело шло к вооруженному столкновению, но не дошло⁷. Солон в своей элегии «Моей свидетельницей пред судом времен» говорит, что «земля была рабыней, на межах которой водружены столбы» (долговые). Все должности могли занимать только знатные и богатые люди («Афинская полития», III, 1). Студентам из лекций и учебников известны многие реформы Солона, здесь лишь укажем, что наиболее важными для дальнейшего общественного развития Афин были следующие: 1) от-

мена навсегда долговой кабалы, 2) узаконенное право купли-продажи и завещания земли и имущества (при отсутствии законных детей), 3) тимократическая реформа, по которой все граждане Аттики, независимо от их происхождения, были разделены по имущественному положению на четыре разряда (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты), в основе которых лежат классовые признаки, в частности, размер землевладения и величина дохода. И, как указывает Ф. Энгельс⁸, права и обязанности теперь устанавливаются в зависимости от величины земельной собственности, которая все решает. Указанные реформы (а также сисахфия — касация долгов бедноты) наносили удар по пережиткам родового строя, господству родовой аристократии, содействовали демократизации афинского общества. Однако реформы Солона были компромиссными; как народ, так и эпатриды были недовольны своим новым положением. Солон и его реформы подвергались нападкам прежде всего со стороны старой родовой знати, стремившейся вернуть утраченное господствующее положение в государстве. С другой стороны, масса беднейшего сельского населения, стремившаяся, как говорит Аристотель («Афинская полития», XII, 3), к переделу земли, но не получавшая прибавки, также была недовольна экономическим и политическим порядком, созданным Солоном. Поэтому борьба продолжалась.

Упорство этой борьбы видно хотя бы из факта существования в Афинах тирании Писистрата и его сыновей во второй половине VI в. до н. э. Тирания здесь возникает именно потому, что в результате борьбы демоса и аристократии последняя была ослаблена настолько, что уже не могла вернуть свое прежнее господствующее положение, демос не мог пока окончательно подавить сопротивление знати. В результате мероприятий Писистрата, а затем реформ Клисфена, пришедшего к власти в ходе ожесточенной политической борьбы, в Афинах были окончательно ликвидированы остатки родового строя и установилась рабовладельческая демократия⁹.

Среди демоса также выделяется зажиточная верхушка, процесс концентрации земельных участков происходит теперь вне зависимости от «благородства крови». Большая часть знати трансформируется в имущественную и земельную верхушку, но меньшая

часть разоряется и беднеет¹⁰. Афинская демократия ограничила аристократию и нейтрализовала тиранию. Смысл афинской демократии в вовлечении демоса в самостоятельную политическую жизнь, в формировании такого гражданина, который сам представлял бы свои собственные интересы, чего не было в странах Востока.

Такие возможности дает полисная система. Принадлежность к гражданской общине как бы затушевывает сословно-классовые противоречия среди свободных¹¹, ибо, как замечал Ф. Энгельс, «классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными...»¹² Однако при этом не может совершенно исчезнуть борьба между классом крупных рабовладельцев и землевладельцев, представителей богатых слоев ремесленников и купечества, с одной стороны, и классом свободных производителей (крестьян, ремесленников, мелких торговцев) — с другой, несмотря на то, что все они граждане.

Такую борьбу мы наблюдаем и в классической Греции, например, в тех же Афинах во время греко-персидских войн и в «век Перикла». Наличие единого гражданского статуса для двух классов афинского общества усложнило социальную борьбу свободных граждан. Так, в среде сторонников Аристиды в борьбе против Фемистокла мы встречаем не только рабовладельческую знать, но и отсталые сельские слои афинских граждан. Вновь сословные интересы перекрывают общие интересы класса свободных малоимущих. Это особенно хорошо проявилось в 70-е гг. V в. до н. э., когда Фемистокл был подвержен остракизму, а власть в Афинах перешла к аристократам. Однако интересы рабовладельческой, ремесленной и торговой верхушки были связаны с демократической «партией», и она вновь возобладала.

После длительной политической борьбы демократия укрепилась в Афинах в результате деятельности Перикла, который, по словам Плутарха, «интересы массы бедняков... поставил выше интересов немногих богачей, хотя его природа была менее всего демократической» («Перикл», 7). Попыткой совместить интересы широких кругов свободного населения Афин — от рабовладельческой верхушки до мелких и средних торгово-ремеслен-

ных слоев — была внешняя политика Перикла, которая столкнула Афинскую державу с Пелопоннесским Союзом.

Во время Пелопоннесской войны (431—404 гг.) необычайно обострился сословно-классовый антагонизм. «...Вся Эллада,— пишет Фукидид (III, 82),— можно сказать, была потрясена, потому что повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем представители первой призывали афинян; представители второй — лакедемонян». Из учебников студентам известно, насколько ожесточенной с обеих сторон, связанной с убийством сотен людей, была гражданская война в Коркире (на одноименном острове) в 426 г. Демократам помогали своим флотом Афины, олигархам — Спарта. Приведем отрывок из Фукидида (III, 81—82), дающий представление о накале политических страстей во время этих событий: «В течение семи дней, пока оставался прибывший Эвримидонт (афинский стратег, отправленный с флотом на помощь коркирским демократам.— Авт.) с шестьюдесятью кораблями, коркиряне убивали из числа сограждан всех, казавшихся им врагами, обвиняя их в соучастии с теми, кто хотел ниспровергнуть демократию; иные, впрочем, пали жертвою личной вражды, другие убиты были должниками из-за денег, которые они были должны. Вообще смерть царя во всех видах, происходило все то, что обыкновенно бывает в подобные времена, и даже больше: отец убивал сына, молящихся отрывали от святильни, убивали подле них; некоторые были замурованы в святилище Диониса и там погибли. До такого ожесточения дошла междоусобная распря». Важным обстоятельством в гражданской войне на Коркире является обращение обеих враждующих «партий» за помощью к рабам: «...Обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам, а к противникам их явилось на помощь восемьсот человек с материка» (Фукидид, III, 73). Под «олигархами» Фукидида следует понимать не только родовую знать, но и богачей из демоса: ростовщиков, крупных судов, земле- и рабовладельцев. Эксплуатируемая свободная беднота сводила счеты со своими угнетателями. Большинство рабов примкнуло к демократам потому, что большая часть рабовладельцев входила в состав оли-

гархической группировки. А кто же те восемьсот человек, которые прибыли с материка на помощь олигархам? По нашему мнению, это были свободные, входящие в олигархические группировки в своих полисах. Возможно, они прибыли с верными им рабами.

Во время так называемой Декелейской войны в 412 г. до н. э., исполнив заход нескольких афинских триер, демократы о. Самоса подняли восстание, убили около двухсот знатных граждан, четыреста олигархов приговорили к изгнанию, конфисковав их землю и дома. После этого афиняне даровали самосцам автономию в своем союзе. Геоморы (крупные земельные собственники) были полностью лишены политических прав и даже права эпигамии (заключения браков) с демосом (Фукидид, VIII, 21). Отметим, что это редчайший случай в истории античного мира, когда победивший демос прибегает к лишению своих врагов политических прав. Аристотель приводит клятву, дававшуюся во многих полисах олигархами: «Клянусь, что я буду вечным врагом народа и сделаю ему столько зла, сколько буду в состоянии». Надгробная надпись, сочиненная олигархами для главы «тирании тридцати» в Афинах Крития и его сподвижников, гласила: «Это надгробный памятник смелым людям, которые короткое время противились проклятому афинскому демосу»¹³.

В том же 421 г. до н. э. обострилась борьба между олигархами и демократами на о. Хиос, который был самым значительным из государств Афинского морского союза (Фукидид, VIII, 15, 1; 40, 1). Правившие одноименным городом олигархи вели секретные переговоры со Спартой с целью выхода из Афинского союза. Спартанцы, высадившиеся по их требованию на острове, казнили главу демократов Тидея вместе с его ближайшими соратниками (Фукидид, VIII, 38, 3).

Характерными для того ожесточения, с которым велась классовая борьба в Греции, являются также события в Коринфе в 392 г., переросшие в настоящую гражданскую войну. Для установления дружеских отношений со Спартой местные олигархи составили заговор и захватили акрополь (Акрокоринф), но были выбиты оттуда и бежали к спартамцам в Сикион. Вслед за этим в городе началась жестокая резня всех «знатных» и «лучших». Уцелевшие олигархи открыли спартамцам и бежавшим ранее олигархам городские ворота. Произошла

ожесточенная битва. На помощь демократам подоспели аргосцы и афиняне. Победившая демократия Коринфа вступила после этого в тесную связь с Аргосом, были сняты пограничные камни и даже установлены общие государственные органы. Об этих событиях с некоторым пристрастием рассказывает сторонник олигархии Ксенофонт в своей «Греческой истории» (IV, 4, 2—15).

Несколько раньше, в 395 г. до н. э., на о. Родос также была свергнута олигархия. Демократы ворвались в здание, где заседали олигархи, возглавляемые неким Диагором, и перебили их. Затем «устроившие избиение создали народное собрание, отменили действовавшее государственное устройство и учредили демократию, отправив в изгнание немногих из граждан» (Оксиринхская «Греческая история», X, 1—4). Родос стал союзником Афин. Спустя некоторое время олигархи добились временного успеха и отправили послов в Спарту (Диодор, XIV, 97). Но раньше, чем подоспела оттуда помощь, «демократия вновь захватила на Родосе всю власть в свои руки и одержала победу на суше и на море». Им прислали помощь афиняне (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 8, 20—22).

Подобную картину резких социальных противоречий источники рисуют также в Аргосе (370 г. до н. э.). Здесь бедняки, вооружившись дубинками («скиталами»), напали на богатых граждан и перебили 1200 человек из них, а их имущество разделили между собой (Диодор, XV, 58). «Народ в Аргосе,— пишет Исократ,— истребляет наиболее знатных и богатых граждан и при этом веселится так, как другие не веселятся, убивая своих (внешних.— Авт.) врагов» («Филипп», 52). Афинский оратор рассказывает далее, что подобное творится во всем Пелопоннесе. Единодушия нет ни в одном городе, и своих сограждан опасаются больше, чем внешних врагов. Взаимная рознь такова, что богатые предпочли бы бросить в море свое имущество, чем поделиться им с неимущими, а бедные только и помышляют о том, как бы завладеть состоянием благоденствующих. У алтарей закалывают не жертвенных животных, а избивают друг друга люди. У иного города теперь больше изгнанников, чем прежде было во всем Пелопоннесе («Архидам», 64—68).

Резкие социальные противоречия возникают в начале IV в. до н. э. и в консервативной Спарте, причем

внутри господствующего класса-сословия спартиатов, где также происходит имущественное расслоение на слишком богатых и очень бедных. В 399 г. до н. э. составляется заговор, направленный против земельной аристократии. Его участниками были «опустившиеся» спартиаты (гипомейоны), утратившие по разным причинам свои земельные наделы. Эфорам удалось раскрыть заговор, и вожди заговорщиков (Кинадон и другие) были замучены до смерти (397 г. до н. э.). Важным обстоятельством в этом деле является указание Ксенофонта, что по словам Кинадона, «замыслы заговорщиков совпадают со стремлениями всех илотов, неодамодов (вольноотпущенников.— Авт.), гипомейонов и периэков», — на основании чего можно предположить участие в заговоре людей из перечисленных слоев населения. Если допустить эту возможность, то мы имели бы весьма редкий случай объединения всех угнетенных для совместной борьбы. Рассказывая об этом заговоре, Ксенофонт («Греческая история», III, 3, 5—II) замечает, что когда среди названных угнетенных сословий «заходит разговор о спартиатах (богатых.— Авт.), то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем».

В III в. до н. э. концентрация земельной собственности усиливается, чуть не вся земля сосредоточилась в руках одной сотни семей спартиатов. Остальные владели парцеллами или были вовсе безземельными, они мечтали о переделе земель и других богатств, а также о кассации долгов. Изменений в своем положении требовали также периэки и илоты. Необходимость каких-то изменений осознавала также часть спартанской знати, ищущая выхода из создавшейся ситуации.

Царям Агису IV (245—241 гг. до н. э.) и особенно Клеомену III (235—221 гг. до н. э.) удалось провести ряд радикальных реформ. Были ликвидированы эфорат и фактически герусия, которые являлись оплотом олигархии и консерватизма, отменены долги, произведено наделение землей гипомейонов и периэков, причем последним дарованы гражданские права, а илотам разрешено выкупаться из неволи. Вести об этих мерах вызвали рост движения низов в Пелопоннесе, создалась угроза рабовладельческой олигархии, господствовавшей в Ахейском союзе. Поэтому его глава Арат, резко изменив политическую ориентацию, добился путем уступок

военной помощи у македонского царя Антигона Досона. Армия Клеомена III погибла в битве при Селассии (221 г. до н. э.). Агис и Клеомен пытались восстановить порядки древней Спарты, «общину равных», поэтому их реформы вряд ли были прогрессивными, однако они резко оживили классовую борьбу не только в Спарте, но и во всем Пелопоннесе.

Тиран Набис (207—192 гг. до н. э.) в отличие от царей-реформаторов стремился опереться даже на илотов. Он отменил долги, разделил земли, в том числе среди илотов, отменил вообще илотию как систему, освободил многих рабов. Под влиянием его нововведений произошел демократический переворот в Аргосе, а затем последовал передел земли. Ливий сообщает об этом: «...Созвав собрание (в Аргосе.— Авт.), Набис обнародовал два предложения: одно о новых долговых книгах, другое о разделе полей поголовно. В руках людей, стремящихся к перевороту, это были два средства разжечь чернь против знати» (XXXII, 38, 9). Следовательно, Набис содействовал объединению всех беднейших слоев населения Пелопоннеса.

В это время развертывается борьба между беднотой и богатыми рабовладельцами в Этолии, Беотии, в полисах Причерноморья. Полибий так описывает эти события: «...Кинефяне, аркадяне по происхождению, с давних пор обуреваемы были непрерывными жестокими распрями, в которых многие были умерщвлены или изгнаны, сверх того имущество расхищалось, производились все новые переделы земли, пока, наконец, не восторжествовали и не завладели городом сторонники ахейян; после этого они призвали (в 220 г. до н. э.— Авт.) гарнизон для своих укреплений и правителя города из Ахайи» (IV, 17, 4—5). Полибий также сообщает, что в Мессении уже после 420 г. до н. э. «водворилась демократия и знатные граждане находились в изгнании, так как управление государством перешло к людям, которым достались по жребию участки земли изгнанной знати» (VII, 10, 1).

Набис, который проводил политику в пользу народа, опирался на поддержку не только разорившихся спартиатов, но и неодамодов, и илотов. При нем была создана 6-я фила, получившая название «фила новых граждан». Основной причиной гибели Набиса (в 192 г. до н. э.) и ликвидации его новшеств было военное про-

тивоедействие олигархического Ахейского союза. Ненависть олигархов к реформатору выразил Полибий в таких словах о Набисе: «...он собрал в Спарте множество преступного народа» (XVI, 13, 2) ¹⁴.

Борющиеся «партии» принимали нередко решительные меры против возможного установления враждебного им режима. Так, в Новом Илионе в 270 г. до н. э. был издан закон, направленный против возможного возникновения тирании или олигархии. Дошедшая надпись гласит: «...Кто убьет тирана или вождя олигархии, или того, кто ниспровергнет демократию, получит, если он гражданин, от города талант серебра в тот же день или на следующий, а народ должен поставить его бронзовую статую; он получает также пожизненное довольствие в пританее и право занимать место в первом ряду на состязаниях, причём имя его возглашается глашатаем; сверх того следует давать ему пожизненно по две драхмы ежедневно. ...Если убившим будет раб, он получит, в знак оказываемого ему почета, права гражданства по закону и тридцать мин от города в тот же день или на следующий и пожизненно драхму в день» ¹⁵.

Таким образом, со времен Пелопоннесской войны в борьбу свободных постоянно втягивались и рабы. До этого времени они «не осознавали еще себя как единую социальную величину и не могли в качестве таковой действовать на исторической арене» ¹⁶. Но в V в. до н. э. мы уже наблюдаем участие их в той или иной форме в политической борьбе. О некоторых фактах, сохранившихся в источниках, мы еще будем говорить.

Постепенно в социальную борьбу оказались втянутыми также варвары, подвергающиеся эксплуатации со стороны греческих колонистов, торговцев и ростовщиков. Как известно, около 109 г. до н. э. ¹⁷ разразилось мощное восстание скифов на Боспоре под руководством Савмака. В исторической литературе долго шла полемика о характере восстания и социальном составе восставших. Буржуазный историк М. И. Ростовцев считал это восстание дворцовым переворотом, а Савмака — скифским царевичем, усыновленным последним царем Боспорского царства из династии Спартокидов Перисадом V ¹⁸. Акад. С. А. Жебелев впервые в 1933 г. определил движение Савмака как «восстание скифских рабов, объединившихся вокруг доморощенного царского раба» ¹⁹. Трудность определения состава восставших объясняется тем, что

античные авторы ничего о нем не сообщают, весьма скудные сведения содержатся лишь в открытом в 1878 г. херсонесском декрете в честь Диофанта, полководца царя Понта Митридата VI²⁰. Из него мы узнаем, что скифы во главе с Савмаком убили Перисада V (125—109 гг. до н. э.). Какие скифы — не указано. Первый издатель этого декрета В. Юргевич считал, что восставшие скифы не рабы, а местное боспорское население, «мирные» скифы, т. е. те, которые не входили в Скифское царство в Крыму²¹. В конце прошлого века Г. Брандис высказал мнение, что восстание Савмака — движение сельского земледельческого населения, состоявшего на Керченском полуострове главным образом из скифов, направленное против городов, где преобладали греки²². Вопреки мнению акад. С. А. Жебелева декрет не содержит ничего, что бы подтверждало рабскую принадлежность восставших и самого Савмака. Попытки поддержать суждение этого ученого ничем не обоснованы²³. В 60-х годах советские исследователи склонились к мысли, что восставшие в 109 г. до н. э. были оседлые свободные скифы, жившие на территории Боспорского царства и занимавшиеся преимущественно земледелием. Они подвергались эксплуатации со стороны как своей верхушки, так и пантикапейских греков-торговцев и ростовщиков. В. Ф. Гайдукевич, по-видимому, правильно считает, что если бы восставшие были рабы, то в декрете это было бы обязательно указано, но там сказано «скифы», а не «рабы». Кстати, этнический термин «скиф» никогда не был, особенно в Северном Причерноморье, синонимом понятия «раб». Надо полагать, что к восставшим свободным скифам пристала какая-то часть городской бедноты и рабов²⁴. Савмак в результате восстания стал царем Боспорского царства и был им, кажется, около года. Это подтверждается шестью уцелевшими монетами, на которых имеется легенда: ΒΑΣΙΛ... ΣΑΥΜ... (т. е. «царь Савмак») ²⁵. В восстании Савмака четко прослеживаются черты социальной борьбы, так как восставшее эксплуатируемое население воспрепятствовало осуществлению политической сделки, с помощью которой рабовладельческая верхушка Боспора, стремясь найти выход из острого социального кризиса и сохранить свое классовое господство над низами, пыталась установить режим твердой власти, передав ее в руки понтийского царя. К сожалению, мы ничего

не знаем о порядках, установившихся после восстания в Боспорском государстве. Восстание Савмака представляет особый интерес, кроме всего сказанного, еще и потому, что оно было одним из первых восстаний угнетенных на территории нашей страны.

Другая линия социальной борьбы в Древней Греции — между рабовладельцами (или просто всеми свободными гражданами), с одной стороны, и рабами, с другой.

Примеры мы имеем в истории Спарты.

Спартиаты и илоты представляли из себя два типичных класса-сословия Спартанского общества, имевшие ярко выраженные различия как в экономическом, так и в правовом отношении. В экономическом плане члены спартанской общины равных — коллективные собственники земли и илотов, эксплуатирующие последних, но не участвующие в производительном труде, т. е. это эксплуатирующий класс. Илоты не имеют в собственности основное средство производства — землю; и у них насильственно изымается львиная доля продуктов их труда, т. е. они являются эксплуатируемым классом. В правовом отношении: спартиаты участвовали в государственном управлении, владели землей, были воинами; илоты работали на земле, отдавали половину урожая спартиатам, не были собственниками земли и не участвовали в государственных делах. Такое положение сложилось в результате завоевания.

Местное население Мессении ко времени вторжения спартанцев в Пелопоннес было сильно смешанным: пеласги (догреческий элемент), ахейцы, а также дорийцы, переселившиеся сюда в XII, и, вероятно, в IX вв. до н. э. Мессенцы выступили с оружием в руках против завоевателей-спартанцев во второй половине VIII в. до н. э., но последним в результате 20-летней войны удалось захватить восточную часть и южное побережье Мессении и подчинить местное население, которое было обложено тяжелым налогом, составлявшим половину урожая. В стихе Тиртея сказано о мессенцах: «Как ослы, согнувшиеся под тяжкой ношей, несут они господам от своей тяжкой нужды половину всех плодов, которые дарит земля». Предводителем спартанцев в этой Первой мессенской войне был царь Полидор. Значительно более грозным было второе восстание (война) мессенцев (во второй половине VII в. до н. э.), которое грози-

ло смести «общину равных». Спарта была ослаблена внутренними смутами, а мессенцев поддержали города Орхомен и Писа. Вначале союзники одержали несколько побед под руководством мессенского полководца Аристомена. Но затем дисциплинированное войско спартанцев, сломив сопротивление, взяло последний оплот восставших — город Эиру. Мессения вновь была подчинена, а население долин превращено в бесправных илотов. А жителям горных районов с целью разобщения Спарта дала права периэков. Сюда же выводятся колонии периэков. Не вполне достоверные, порой легендарные сведения о первых двух войнах сохранились в отрывках песен поэта Тиртея (VII в. до н. э.) и в 4-й книге «Описания Эллады» Павсания.

Статус илотов и аналогичного населения других областей Греции, Иллирии, Крита до сих пор дебатруется в научной литературе. Одни ученые считают илотию «крепостничеством завоевательного типа», «примитивно-крепостническими отношениями даннического типа»²⁶. Эти ученые основываются на мысли Ф. Энгельса, который писал в письме К. Марксу: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»²⁷ Другие исследователи причисляют илотию к рабовладельческим отношениям, считая ее «примитивной формой рабства»²⁸. Наконец, третьи не относят илотию ни к рабовладельческим, ни к крепостническим отношениям и считают ее одной из степеней того состояния несвободы, которые возможны между свободой и рабством, но не совпадают ни с последним, ни с крепостной зависимостью²⁹.

Илотия, считают авторы пособия, — особая форма эксплуатации рабов, в чем-то напоминающая крепостничество. А. Валлон еще в середине прошлого века называл илотию «формой порабощения»³⁰. Безусловно, этой форме порабощения присущи некоторые своеобразные черты, о которых также сообщают источники. Именно это своеобразие заставляет Аристотеля, в «Политике» (II, 2, 13), Юлия Поллукса («Ономастикон», III, 83) специально обращаться к положению илотов. Так, Поллукс пишет: «...между рабами и свободными среднее положение занимают лакедемонские илоты, фессалий-

ские пенесты, критские клароты и мноиты, дорофоры мариандинов, аргосские гимнеты, сикионские коринифоры».

Античная традиция считает илотов рабами. Страбон: «Спартанцы имели в лице илотов род общественных рабов...» (VIII, 5). Плутарх: «...те, которые говорят, что в Спарте свободный наиболее свободен, а раб наиболее поработен, верно подметили ее характерную особенность» («Ликург», XXVIII). Фукидид (V, 23, 3) передает нам, что афиняне считали спартанских илотов рабами.

Действительно, мы видим, что илоты были полностью лишены основного средства производства — земли. Она находилась в собственности спартиатов. Основная часть продуктов изначально была предназначена спартиатам. Не приходится говорить и о какой-либо личной свободе илотов: они были в абсолютной зависимости от «общины равных». Наконец, илотия — ярко выраженная форма внеэкономического принуждения, основанного на завоевании.

Конечно, из этого завоевания вытекают и некоторые черты, характерные скорее для крепостной зависимости: илоты живут отдельными селениями, у них есть некоторые орудия труда, они имеют свое хозяйство и семью, даже могут получать некоторый достаток при удачном урожае. Однако эти черты меркнут перед характерными чертами рабского состояния илотов.

Наконец, своеобразие илотии как формы эксплуатации рабов определяется и заведомым стремлением свободных спартиатов сохранить равенство в своей среде, ярко выраженные пережитки военной демократии, искусственно поддерживавшиеся в Спарте. Отсюда и прикрепление илотов к клерам, и факт владения ими только всеми членами «общины равных», и запрещение их продажи.

Единство спартиатам было необходимо перед лицом илотов, со стороны которых всегда исходила опасность, для предотвращения которой существовала своеобразная форма классового террора — криптия. О ней рассказывает Плутарх: «... время от времени руководители государства рассылали по стране юношей из числа наиболее сообразительных, которые имели при себе только кинжалы и самый необходимый запас продуктов. Днем они отдыхали, прячась в укромных местах, ночью же, покинув свои убежища, хватали илотов на дорогах и

убивали их. Они также часто нападали на сельские местности и убивали самых сильных и мужественных илотов... Аристотель рассказывает, что эфоры, вступая в должность, первым делом объявляли войну илотам...» («Ликург», XXVIII). Если илоты переходили надлежащую норму физической силы, которая подобает рабу, их наказывали смертью и на их хозяев налагали штраф за то, что они не сумели задержать физическое развитие илотов (Афиней, «Пирующие софисты», XIV, 657). О фессалийских пенестах Афиней (VI, 264a) пишет: «Фессалийцы говорят, что пенесты рабы не по рождению, но покорены посредством войны». Этот автор приводит даже свидетельство, что многие из пенестов были богаче своих господ (VI, 264). Аристотель («Политика», II, 6, 2) упоминает о восстаниях пенестов: «Существующий в Фессалии класс пенестов (penesteia) нередко поднимал бунты против фессалийцев, точно так же, как и илоты против спартанцев. Они только и живут, подстерегая беды лаконцев». Система террора не могла подавить в илотах дух сопротивления, не могла запугать их и заставить смириться со своей долей рабочего скота.

Поводом к Третьей Мессенской войне послужило сильнейшее землетрясение, которое разрушило почти все общественные и частные здания в Спарте и похоронило под развалинами значительную часть населения. Этим бедствием решили воспользоваться илоты, к которым присоединилась часть перизков. Случилось это, согласно данным Павсания (IV, 24, 5), в 464—463 гг. до н. э. Самые надежные сведения об этой войне содержатся у Фукидида и Геродота (IX, 64). Мессения вся, как один человек, поднялась против спартанского владычества. Илоты навязали спартанцам несколько кровопролитных битв, затем заняли город Итому, который, подобно крепости, возвышается в центре Мессении. Сопротивление восставших длилось целых 10 лет и гордые спартанцы вынуждены были унизиться до того, что запросили помощь не только у Эгины, Платей, Мантинеи, но даже у своего врага Афин (Фукидид, I, 101 сл.) Как известно, несмотря на решительный протест демократов (Эфиальта) против помощи Спарте, народное собрание Афин под давлением Кимона все же решило помочь. И здесь следует подчеркнуть, что решение это в значительной степени определялось классо-

вой солидарностью рабовладельцев: спартанцы боролись не с каким-либо греческим полисом, а с восставшими илотами, которые опустошали территории спартанцев. Даже на исходе восстания силы повстанцев были настолько еще значительными, что спартанцы вынуждены были выпустить их из Мессении, после чего илоты поселились с разрешения афинян в городе Навпакте (гавань в Коринфском заливе).

Даже враждующие постоянно полисы объединяли свои усилия в борьбе с рабами. Так, в мирном договоре 421 г. до н. э. между Афинами и Спартой сказано: «Если восстанут рабы, афиняне обязуются помогать лакедемонянам всеми силами по мере возможности» (Фукидид, V, 23, 3).

Откровенный и давний антагонизм илотов и спартиатов дал примеры активной борьбы — восстаний или так называемых Мессенских войн. Другие рабские восстания никогда не поднимались до уровня «рабских войн» в Риме. Причиной этого в советской историографии считают состояние греческого ремесленного производства, которое было относительно мелким, с небольшим количеством рабов, а также сельского хозяйства, где не было крупных латифундий с рабским трудом. Вторую причину составляли относительно «сносный» жизненный уровень греческих рабов и элементарная «гуманность» греков (кроме спартанцев) по отношению к рабам³¹. Поэтому антагонизм между рабами и рабовладельцами в Греции не достиг такой силы, чтобы вылиться в бурную массовую борьбу.

Прежде рассмотрим пассивные формы борьбы рабов. Наиболее распространенной из них был побег. Бегство рабов происходило как в мирное время, так и во время войн. Это приводило обычно к серьезным конфликтам между греческими полисами. Так, например, в 433—432 гг. до н. э. Мегары дали приют беглым афинским рабам, что привело к конфликту с Афинами и послужило одним из поводов к Пелопоннесской войне, как об этом сообщает Фукидид (I, 139, 2). Во время военной экспедиции Афин в Сицилию рабы-гребцы в 414 г. до н. э. дезертировали, воспользовавшись затруднительным положением, в какое попали афиняне при осаде Сиракуз (Фукидид, VII, 13, 2). Побег рабов имели важную роль, поскольку вносили дезорганизацию в рабовладельческое хозяйство, особенно во время войн.

В 413 г., после занятия спартанцами по совету Алкивиада важного аттического дема Декелеи «более двадцати тысяч рабов,— по словам Фукидида,— перебежало к неприятелю, в том числе большая часть ремесленников» (VII, 27, 5). Этот побег свидетельствует прежде всего о резком ухудшении положения рабов, в частности их питания, так как в начале войны, несмотря на ежегодные вторжения спартанцев в Аттику, афинские рабы не перебегали на сторону неприятеля (Псевдо-Ксенофонт, «Афинская политика», I, 10). Во время же Декелейской войны условия жизни рабов ухудшились из-за блокады, что привело к столь массовому побегу. Дело в том, что захват врагом Декелеи в значительной мере лишил афинян возможности заниматься земледелием. Почти все продовольствие теперь ввозилось извне через Пирей. Для Афин и их хозяйства побег рабов оказался тяжелым ударом, вызвавшим не только хозяйственный, но и политический кризис, который наряду с другими причинами привел к олигархическому перевороту в 411 г. до н. э.

Побеги рабов из одного лагеря в другой наносили весьма серьезный урон своему полису и поэтому учитывались даже при заключении межполисных договоров. Так, во время перемирия в Пелопоннесской войне в 422 г. до н. э. в договор был включен пункт, согласно которому ни та, ни другая из сторон не должна была принимать чужих рабов (Фукидид, IV, 118, 7).

Однако в V в. до н. э. мы находим и примеры более активных действий. Восстание рабов в Аргосе в 494 г. до н. э. было связано с поражением аргосских войск в войне со Спартой, чем воспользовались рабы, захватив город и организовав там свое управление, длившееся до тех пор, по словам Геродота (VI, 83), «пока не возмужали сыновья погибших (граждан.— Авт.)». Тогда они вновь отвоевали Аргос и изгнали рабов. Изгнанные же рабы силой оружия овладели Тиринфом. Некоторое время у аргосцев с изгнанниками-рабами были дружественные отношения, затем к рабам пришел прорицатель Клеандр, родом из Фигалии в Аркадии; он убедил рабов напасть на своих господ. С тех пор началась у них продолжительная война, пока, наконец, аргосцы с трудом не одолели врага». В этом рассказе Геродота непонятным является сообщение о том, что после захвата Тиринфа рабами между ними и их прежними гос-

подами вначале установилась дружба. Под «рабами» в этом рассказе нужно понимать часть додорийского населения Арголиды, которое завоевателями было лишено всяких политических прав, т. е. здесь идет речь о населении, аналогичном спартанским илотам³².

Выступление рабов более активное, с элементами организованности, произошло в Сиракузах в 414 г. до н. э. Во главе рабов стоял некий Сосистрат. Когда стало известно о предстоящем мятеже рабов, к ним был направлен для переговоров начальник конницы Диамах, находившийся в близких отношениях с вождем рабов. По поручению правительства полиса Диамах вместе со стратегом Гермократом начал переговоры с Сосистратом в присутствии двадцати рабов. Гермократ, имея при себе отряд в 600 гоплитов, выступил с речью и дал обещание отпустить рабов на волю, а Сосистрата сделать соправителем Сиракуз. Рабы поверили этим обещаниям, но были жестоко обмануты: руководители движения были схвачены и казнены, многие рабы возвращены их господам; часть рабов (300 человек) перебежала к афинянам, флот которых вел в это время осаду Сиракуз. Рассказ об этом движении находится в «Стратегемах» Полиена (I, 43).

Когда член Афинского морского союза о. Хиос восстал против гегемона в 412 г. до н. э., то местные рабы перебежали, покинув своих господ к афинянам. Фукидид (VIII, 40, 2) объясняет это тем, что у хиосских олигархов «было множество рабов, больше, нежели в каком бы то ни было другом государстве, кроме Лакедемона, которые, вследствие их многочисленности, подвергались за всякую вину слишком жестоким наказаниям». По словам Афиня (VI, 265 бс), ссылающегося на XVII книгу «Историй» Феопомпа, «хиосцы первые из греков после фессалийцев и лакедемонян начали использовать труд рабов...» Но в отличие от Спарты и Фессалии, рабы на Хиосе были главным образом покупные. Перебежав, рабы «благодаря знанию местности, — продолжает Фукидид, — причиняли стране величайшие бедствия... важнейший из союзных городов в Ионии (т. е. Хиос. — Авт.) ...с суши подвергается разбойническим нападениям». Это место у Фукидида позволяет говорить о более активной форме выступления рабов, об их нападении на рабовладельцев. Правда, в нашем источнике

нет никаких намеков на сколько-нибудь организованное восстание³³.

Второе восстание рабов на Хиосе не имеет точной датировки. В новейшей работе о нем высказано предположение: в IV или III в. до н. э.³⁴ Рассказ об этом движении содержится у Афинейя (VI, 265с — 266с), пользовавшегося данными Нимфодора Сиракузского³⁵. В этом рассказе много легендарного, в нем нелегко определить границы вымысла и правды. «Рабы хиосцев убегают от них в горы и, собравшись в большом числе, опустошают сельские местности». Этих беглых рабов объединил выделившийся из их среды вождь Дримак. Рабовладельцы, понеся ряд поражений, вынуждены были заключить с ним договор. Дримак дал обещание прекратить грабежи имений, а брат из них лишь крайнее необходимое, кроме того учредил суд для рассмотрения причин бегства рабов. Обращаясь к рабовладельцам, он говорил: «Когда от вас сбегут рабы, я расследую дело, и если окажется, что они бежали от невыносимых условий жизни, я оставлю их у себя; если же их жалобы будут признаны неосновательными, я отошлю их обратно к господину». Затем Нимфодор сообщает, что после этого между хиосскими рабами и господами установились мирные отношения: в одной части Хиоса возникла община рабов во главе с Дримакон, в другой продолжало существовать государство рабовладельцев, недостаточно сильное, чтобы ликвидировать общину рабов. В последней власть вождя была деспотической. «Беглые же рабы, бывшие с ним, боялись его гораздо больше, чем раньше своих господ, и делали все, что ему было угодно, повинувшись Дримаку, как начальнику». Об элементах государственной организации в общине рабов в рассказе Нимфодора свидетельствует тот факт, что Дримак «изготовил собственные меры, весы и печать... наказывал нарушающих дисциплину и никому не позволял без своего разрешения грабить поля или причинять какой-нибудь другой вред». После смерти Дримака, уснащенной легендарными фактами, созданное им государственное образование рабов распалось. Выступления рабов стали настолько активными, что господам пришлось даже вспомнить, что при Дримаке им жилось лучше. И умершему вождю рабов был даже поставлен памятник как благородному герою. Миф о благородном герое, приводимый в рассказе Нимфодора-Афинейя, как

- бы подчеркивал вред восстания, желательность для враждующих сторон договориться, следовательно, авторы преследовали цель удержать рабов от мятежей³⁶. Самым уязвимым и, по-видимому, недостоверным местом в приведенном рассказе является упоминание о договоре восставших с рабовладельцами, положившем начало идиллическим отношениям между рабами и их бывшими хозяевами.

Под влиянием Первого восстания рабов в Сицилии взбунтовались рабы в Аттике, в рудниках Лавриона, затем, на о. Делосе, который был одним из крупнейших рынков работорговли (Диодор, XXXIII; XXXIV, 2, 19; Орозий, V, 9, 4—5). Новый мятеж рабов в копиях Лавриона был откликом на Второе сицилийское восстание. На этот раз он принял довольно значительные размеры. Афиней (VI, 272e — 273a) сообщает: «Многие мириады аттических рабов работали в рудниках в оковах... Восставши, они перебили приставленную к рудникам стражу, овладели Сунийским акрополем и долгое время опустошали Аттику».

Таким образом, для периода эллинизма характерно, как мы видели, нарастание классово-сословной борьбы. Эксплуатируемые, как свободные, так и рабы, активно борются против своих эксплуататоров.

Такое нарастание вполне закономерно. Экономический и социальный кризис, охвативший в IV в. до н. э. полисную организацию и повлекший образование системы эллинистических государств в Средиземноморье, до предела довел обнищание свободных производителей и эксплуатацию рабов. Поэтому оба эксплуатируемых класса ведут ожесточенную борьбу, выступая часто в этой борьбе «единым фронтом». Правда, этот «единый фронт» можно рассматривать зачастую лишь как случайное совпадение выступлений свободных и рабов. Однако объективно эти выступления были именно «единым фронтом» в борьбе против рабовладельческой знати.

Для эллинистического Востока характерно сочетание классово-сословной борьбы с освободительной борьбой народов, завоеванных ведущими эллинистическими монархиями. Именно такое сочетание привело буржуазную историографию (например, Буше-Леклерка) к оценке многочисленных восстаний в Птолемеевском Египте, начиная с конца III в. до н. э. как «национальных» с ведущей ролью местного жречества. Однако современные

данные, новые источники убедительно показывают, что речь должна идти о восстаниях народных масс, направленных в том числе и против такой привилегированной прослойки рабовладельческого общества как жречество³⁷.

Тяжелое экономическое и политическое положение в эллинистическом Египте, развитие частнособственнических отношений при сокращении царского хозяйства — все это ясно проступает при внимательном чтении «Декретов человеколюбия царя Птолемея (VII) и двух цариц Клеопатры II и Клеопатры III» (118 г. до н. э.). Из этого документа можно также усмотреть методы проведения внутренней политики Птолемеев. Как правило, сначала применялась грубая сила, жестокие репрессии, а затем, после неудачи этих мер и еще большего запустения страны, оглашались «декреты человеколюбия», т. е. амнистия восставшим, снятие недоимок, которые правительство фактически все равно не могло получить, жалобы и угрозы по адресу злоупотреблявших чиновников, призывы к крестьянам и ремесленникам вернуться к исполнению своих повинностей: «(Царь) Птолемей и царица Клеопатра, сестра, (и царица) Клеопатра, жена, провозглашают амнистию всем их (подданным) за заблуждения, преступления, (а также по) обвинению, приговорам и искам всех видов... И они постановили, чтобы люди, которые ушли в анахоресис ввиду того, что они повинны в воровстве или совершили другие преступления, вернулись к себе домой и возобновили свои прежние занятия, а оставшееся их имущество не должно быть продано. И (они освобождают) всех (подданных) от (уплат) недоимок... в отношении как арендной платы зерном, так и (денежных) платежей... Равным образом (они освобождают) должников от уплаты недоимок в отношении... и налога двух артаб, и налога для содержания полиции, и налога, заменяющего личное участие в строительных работах...»³⁸

В этом документе упоминается анахоресис, т. е. форма пассивной классовой борьбы, выражавшаяся в бегстве с места жительства или работы с целью уклонения от выполнения повинностей и уплаты налогов в пользу казны. Из источников известно, что бежали и рабы, иногда похитив у господ деньги или какое-нибудь имущество. Один из документов эллинистического Египта, относящийся к III в. до н. э., сообщает о побеге раба-

повара, который унес с собой 80 медных драхм, данных ему на покупку корма для лошадей. Раб скрывался в лагере каппадокийских солдат, а господин раба организовал розыски его³⁹. Об аналогичных фактах рассказывает другой документ с берегов Нила (II в. до н. э.). Некий раб Гермон, принадлежавший послу в Александрии, «сбежал с монетами чеканного золота в три мины и с десятью жемчужинами»; вместе с ним сбежал другой раб, Бион, принадлежавший придворному Калликрату. Раб ушел «с пелериной, рабским плащом и женским флаконом, стоящим шесть талантов, и с пятью тысячами медных драхм»⁴⁰.

Интересный материал дает нам история Пергама. Здесь мы встречаем редкий пример восстания рабов и бедноты, своим острием направленного против установления иноземного господства в Пергаме, царь которого Аттал III Филометор, умирая, завещал в 133 г. до н. э. свое царство Риму в уплату за долги. Против этого завещания восстал брат (по отцу) умершего царя Аристоник, сын рабыни-наложницы. Аристонику поддержали восставшие рабы и свободная, главным образом, сельская беднота. По словам Страбона, Аристоник «быстро собрал большое количество неимущих людей и рабов, которых он призвал к свободе» (Страбон, XIV, 646). Движение было направлено не только против алчных римских дельцов, ростовщиков и торговцев, но также против местной знати. Своих сторонников вождь называл «гелиополитами», т. е. «гражданами государства Солнца» (Страбон, там же). Возможно, Аристоник заимствовал гелиополитическую идею из романа Ямбула, описавшего сказочное государство Солнца, в котором все равны и свободны. В основе этой утопии лежала идеализация далекого прошлого человечества, когда на земле царил, по мнению поэтов, «золотой век». Не исключено, что Аристоник стремился захватить власть в Пергамском царстве, чтобы использовать ее для широких реформ общественного строя в духе указанной утопии. Приезд к нему философа-стоика Блоссия, друга и единомышленника Тиберия Гракха, говорит в пользу этого предположения⁴¹. Повстанцы нанесли несколько поражений римским войскам и даже взяли в плен консула Публия Лициния Красса⁴². Восстание продолжалось несколько лет (132—129 г. до н. э.), несмотря на помощь римлянам царей Вифи-

нии, Понта, Капподокии, Пафлагонии. Однако в 129 г. до н. э. римляне под командой консула Марка Перперны разгромили войско восставших, Аристоника взяли в плен (после осады г. Стратоникеи) и казнили в Риме. Опираясь на местную знать, Рим присоединил Пергамское царство к своим владениям, превратив его в провинцию под названием «Азия». Устройством провинции и подавлением последних очагов восстания занимался консул Маний Аквилей. Позже, в 88—85 гг. до н. э. в этой провинции полыхало новое большое антиримское восстание.

Таким образом, хотя в Греции, да и в эллинистических государствах, мы не видим столь крупных восстаний, как в Риме, классовая борьба, сословные противоречия играют здесь важную роль. Две линии борьбы: борьба свободного населения и борьба рабов идут параллельно, даже иногда взаимно проникая друг в друга, однако, никогда не приводя к сознательному объединению беднейших масс свободных с рабами.

ГЛАВА III

КЛАССОВАЯ И СОСЛОВНАЯ БОРЬБА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В древнем Риме, как и у других народов, имущественное и социальное расслоение населения идет вместе с распадом родоплеменного строя и образованием частной собственности на землю, скот и другое имущество¹. И хотя такое расслоение уже создает предпосылки формирования общественных классов, дает возможность для оформления этих классов в зачаточном виде, пережитки родоплеменных отношений накладывают свой отпечаток на этот процесс.

В Риме первоначально население делилось по родовому или даже этническому признаку. Так, патриции — это члены местных, исконных родов, а плебеи — это люди, находящиеся вне местной родовой организации по тем или иным причинам. Такое различие в происхождении определяет и первоначальное положение патрициев и плебеев. По словам Дионисия Галикарнасского, «Ро-

мул, отделив низших от высших, дал законы и установки, что кому из них надлежит делать: патрициям отправлять магистратуры и жреческие должности, плебеям — возделывать землю, кормить скот и заниматься доходными ремеслами» («Римские древности», II, 9—10). Таким образом, уже на ранних этапах римской истории намечается своеобразная «специализация» патрициев и плебеев. Патриции, в руках которых находилась вся земля Рима, — основа производства — были заняты управлением и военным делом, плебеи, которые не имели больших участков земли, занимались на них огородничеством, а также были ремесленниками и торговцами. Такое деление, вышедшее непосредственно из родового строя в процессе его разложения, можно назвать уже делением на классы-сословия.

Действительно, основные признаки классов, определенные В. И. Лениным, мы видим уже и здесь. У патрициев находится основное средство производства — земля, причем уже в родах произошел переход земли в частную собственность. У плебеев земли очень мало, у них есть ремесленные орудия труда, они занимаются обменом.

Патриции практически не участвуют в процессе производства. Дело в том, что уже на стадии разложения родового строя среди патрициев наметилась экономическая дифференциация, многие патриции потеряли землю и вынуждены были стать клиентами у более богатых сородичей. Такие отношения клиентелы, правда, скрывали эксплуатацию соплеменников, создавая внешние признаки большой патриархальной семьи с защитой патроном младших ее членов — клиентов. В эту же большую патриархальную семью входили и рабы, которые уже были в ранний период римской истории². Таким образом, патриции не участвовали в производстве благодаря эксплуатации клиентов и рабов. Плебеи же занимались трудом и жили за счет доходов от своего труда, т. е. различие в распределении доходов — налицо. Наконец, мы видели, что патриции осуществляют эксплуатацию соплеменников, рабов и даже плебеев, которые вынуждены были прибегать к покровительству по тем или иным причинам. Существование плебеев предполагало прежде всего существование за счет собственного труда.

Эти классовые различия, однако, были очень тесно

связаны с сословными различиями и во многом ими объясняются. Плебеи совершенно бесправны, хотя лично и свободны: они не могут претендовать на получение общественных земель, появляющихся в результате новых завоеваний; они не могут участвовать в управлении государством. Тем самым классовые различия оказались закрепленными правовыми установлениями, неполноправием плебеев.

Указанное положение классов-сословий патрициев и плебеев не могло не вылиться в классовый антагонизм между ними. Усилившаяся в среде плебеев, не сдерживаемых в своем обогащении никакими рамками родовых пережитков, имущественная дифференциация способствовала усилению их претензий. Требование плебеев было двуединым, выразившим и классовые, и сословные противоречия: средства производства, т. е. *ager publicus*, и равные права. Каждая из двух составляющих этого требования в полной степени предполагает другую.

Борьба между патрициями и плебеями вызвала в середине VI в. до н. э. проведение реформ, приписываемых предпоследнему царю Сервию Туллию, который ввел новое устройство римской общины на основе территориально-имущественного принципа. Однако формальное включение плебеев в состав единой с патрициями общины не решало вопроса о средствах производства — о земле.

Таким образом, ключом к пониманию борьбы является следующая мысль К. Маркса: «Внутренняя история (Рима.— Авт.) явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной... Долговые отношения, играющие такую большую роль с самого начала римской истории, выступают лишь как естественные последствия мелкой земельной собственности»³. В царский период и во времена ранней республики патриции владели крупными земельными участками из *ager publicus*, большинство же плебеев имело лишь приусадебные участки в 2 югера (0,5 га), но немало плебеев были вовсе без земли. Включение плебеев в состав гражданской общины, а значит и в вооруженные силы государства, дало в их руки своеобразную форму борьбы в виде сессий (*secessio* — ухажу, удаляюсь), т. е. ухода плебеев из Рима, обычно на Авентинский холм или Священную гору. При удалении плебеев, составляющих основную массу войска, Рим оставался почти открытым

для врагов. Согласно традиции, сецессий насчитывается пять: в 494, 449, 445, 342 и 287 гг. до н. э. Кроме общественной земли плебеи требовали отмены долговой кабалы, ограничения процента ростовщиков, уравнивания с патрициями в политических правах. Приводим правдиво описанное Ливием положение в Риме накануне первой сецессии плебеев: «...внутри государства царило несогласие вследствие непримиримой ненависти между патрициями и плебеями, преимущественно вследствие долговых обязательств плебеев. Последние громко роптали на то, что, сражаясь в чужих краях за свободу и власть, они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев в меньшей опасности на войне, чем во время мира, и среди врагов, чем среди сограждан». (II, 23). А вот один из эпизодов прорвавшейся ненависти: «Должники в оковах и без оков вырываются отовсюду на улицу и взывают к квиритам о защите. Всюду являются готовые следовать за мятежниками; везде многочисленные толпы по всем улицам с криком бегут на форум. Случайно находившиеся на форуме сенаторы, подвергаясь большой опасности, попали в эту толпу, и она дала бы волю рукам, если бы консулы Павел Сервий и Аппий Клавдий не поспешили явиться для подавления мятежа». Но восставшие, продолжает Ливий, «гораздо более угрожая, чем прося, требуют созвать сенат и окружают курию, собираясь сами решать и руководить государственным советом» (II, 23). После первой сецессии плебеи получили право избирать своих магистратов — народных трибунов в трибунных комициях (традиционная дата — 471 г. до н. э.). Обязанность и право народных трибунов состояли в том, чтобы защитить плебеев от произвола патрицианских магистратов. На этом заканчивается первый этап борьбы, охвативший период от реформ Сервия Туллия до установления народного трибуната. Сбивчивые рассказы Ливия (II, 32—33) и Диодора (XI, 68) не проливают света на вопрос о задолженности плебеев.

Длительной и упорной была борьба плебеев за доступ к использованию *ager publicus* наравне с патрициями. Плебеи потребовали раздела общественного поля. В качестве инициатора аграрного законопроекта выступил консул 486 г. до н. э. Спурий Кассий, который предложил раздать плебеям половину только что отнятых у герников 2/3 земли. К этому он хотел присое-

динить часть уже имеющейся *ager publicus* (Ливий, II, 41). Патриции, противясь этому требованию, в большинстве случаев выдают общественную землю за свою частную (Ливий, II, 42). С помощью второго консула Прокула Виргиния законопроект Кассия был отклонен, а его автор обвинен в стремлении к захвату царской власти и казнен. В 478 г. плебеи вновь выступают с требованием закона о разделе общественных земель. Их представителем и защитником был народный трибун Понтифиций, который после отказа сената поставил законопроект на утверждение народным собранием (Ливий, II, 48)). Но сенат и патриции сумели и на этот раз отклонить требование плебеев. Дионисий Галикарнасский (VIII, 87) рассказывает, что во время репрессий были уничтожены и сожжены пищевые запасы, орудия труда и жилища плебеев. В 460 г. до н. э. вспыхнуло новое восстание плебеев под руководством Аппия Гедрония из сабинов. В нем приняло участие около 4500 человек, которые захватили Капитолий, а их руководитель заявил, что он хочет «снять тяжелое ярмо рабства» (Ливий, III, 15).

При составлении «Законов XII таблиц» (*Leges duodecim tabularum*) в состав комиссии децемвиров в первый год ее работы (451 г. до н. э.) не были включены плебеи, и лишь на второй год они добились участия в комиссии своих представителей (Ливий, III, 37). Принятие «Законов XII таблиц» — это определенная победа плебеев в борьбе с патрициями. В частности, законы частично улучшали положение эксплуатируемых: ограничен ссудный процент (не более одного в месяц — табл. VIII, 18а), уменьшен произвол патрициев над клиентами и рабами (табл. VIII, 21; табл. IX, 6). Ограничены полномочия сената (следовательно, сенаторов-патрициев), поскольку принятые законы установили, что «решение народного собрания должно иметь силу закона» (табл. XII, 5).

Но в Риме оставалась долговая кабала и за патрициями сохранялось исключительное право на *ager publicus*. В таблице III сформулировано отношение к должнику в очень суровой форме. После судебного решения ему давалось 30 дней для сбора денег на погашение долга. Естественно, месячный срок в большинстве случаев ничего не мог изменить. Если должника никто не брал на поруки, кредитор уводил его к себе в дом

и заключал в оковы или колодки «весом не менее, а если пожелает, то и более 15 фунтов». В таком положении должник оставался 60 дней, в течение которых его три раза в базарные дни приводили на площадь к претору и при этом объявлялась присужденная с него сумма денег. После этого должника можно было продать смерти или продать в качестве раба «за Тибр», т. е. за границу (табл. III, 5), чтобы из выручки от продажи возместить кредитору сумму долга (Авл Геллий, «Аттические ночи», XX, 1, 47). Правда, смерти, по-видимому, должников не предавали, Авл Геллий (XX, 1, 48) по этому поводу замечает: «Но я не читал и не слышал, чтобы в старину кто-нибудь (из должников.— Авт.) был разрублен на части».

Если по «Законам XII таблиц» запрещались браки между патрициями и плебеями (табл. XI, 1), то через 5 лет (445 г. до н. э.) по закону народного трибуна Г. Канулея они были разрешены. Законопроект встретил бешеное сопротивление патрициев, рассматривавших новый закон как ниспровержение всех общественных основ.

Когда с 444 г. до н. э. стали избирать военных трибунов с властью, равной преторской, то хотя и реже, чем патриции, но все же плебеи занимали высшую магистратуру. На этом закончился второй этап борьбы (с 494 г. до н. э. до закона Канулея и учреждения военных трибунов).

При помощи репрессий, подкупов и обмана сенату в 416 г. до н. э. вновь удалось отклонить предложенный плебеями земельный законопроект (Ливий, IV, 17). Около 10 лет продолжались бурные волнения плебеев, пока, наконец, в 407 г. до н. э. был издан закон народного трибуна Л. Ицилия о разделе среди плебеев АVENTинского поля. В дальнейшем еще несколько раз производилось наделение плебеев из фондов *ager publicus* (Ливий, V, 30; VI, 6).

В 80-х годах IV в. до н. э. по причине жестокого экономического кризиса и роста задолженности (из-за набега галлов около 390 г. до н. э.) борьба между патрициями и плебеями настолько вновь обострилась, что сенат назначил диктатора. Тот приказал посадить в тюрьму Марка Манлия Капитолийского, первого патриция, действовавшего в интересах плебеев. Но плебеи заставили сенат издать постановление об освобождении

Манлия (Ливий, VI, 17), который еще активнее стал призывать простой народ на борьбу против патрициев. Манлий первым делает вывод о необходимости осознания плебеями собственной силы, подчинения единому руководству и вооруженной борьбы против патрициев: «Сосчитайте, сколько вас и сколько наших врагов?! Покажите же, наконец, что вы можете прибегнуть к вооруженной силе, и тогда они сами откажутся от своих притязаний... Должно действовать сообща и проявлять решительность, иначе каждому из нас придется все терпеть и выносить. Диктаторы и консулы должны быть ограничены в своих правах, и лишь тогда римский народ может поднять голову» (Ливий, VI, 18). Поэтому патриции коварно обвинили Манлия в стремлении к царской власти и по приговору суда он был сброшен с Тарпейской скалы (384 г. до н. э.) (Ливий, VI, 19—20).

В 378 г. до н. э. был введен новый налог (tributum пошт) для постройки каменной стены вокруг Рима (Ливий, VI, 32). Следствием было увеличение долгов плебейского населения и новое обострение социального конфликта. Народные трибуны Лициний и Секстий предлагают три рогация (законопроекта) в пользу плебеев: об ограничении 500 югерами земельных наделов патрициев, об освобождении должников-плебеев от уплаты процентов кредиторам, о праве избирать одного высшего магистрата — консула из плебеев (376 г. до н. э.). Ожесточенная борьба вокруг внесенных рогациев длилась 10 лет, а на протяжении пяти из них невозможно было даже выбрать обычных магистратов. К 367 г. до н. э. сопротивление знати было сломлено и все три закона приняты; Секстий в 366 г. до н. э. стал первым плебейским консулом (Ливий, VI, 35). Воспользовавшись новым законом, богатая верхушка плебса получила возможность приобрести 500 югеров из агег publicus, в то время как масса плебеев оставалась бедной, располагая наделом в несколько югеров. С этого времени плебеи все реже выступают единой силой. Богатая плебейская верхушка все более тяготеет к патрициям и путем браков вступает в связь с ними. Начинает формироваться единый класс эксплуататоров, в то время как бедные плебеи нередко попадают в долговую кабалу. О попавших в нее Дионисий Галикарнасский («Древняя история Рима», VI, 79) пишет, что «принуждены были несчастные обрабатывать участки бога-

тых, вскапывать, засаживать, пахать, пасти скот, подобно военнопленным рабам, некоторые связанные, другие в оковах, а кто, подобно диким зверям, в ошейниках и цепях».

В 342 г. до н. э. недовольство плебеев вылилось в крупное восстание. Получив оружие (в это время шла первая война с самнитами), плебеи, стоявшие гарнизоном в Кампании, двинулись на Рим. За счет присоединения рабов число восставших вскоре достигло 20 тысяч. Из Рима навстречу им вышло войско во главе с диктатором Валерием Корвином (Ливий, VII, 39—40). Войска встретились на Альбанских горах, но до сражения дело не дошло, по-видимому, потому, что диктатор не был уверен в своей войске, в котором также возникли бунтарские настроения. Поэтому диктатор обещал восставшим освободить от долгов не только солдат, но и всех римских граждан-должников. Однако восставшие потребовали, чтобы обещания диктатора были гарантированы соответствующим постановлением сената. И только после того, как сенат издал требуемое постановление, восставшие сложили оружие и вошли в Рим безоружными, как того требовала римская традиция⁴.

Но долговая кабала как общественный институт оставалась. Постоянные войны, «которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих... в своих должников — рабов», — писал К. Маркс в «Капитале»⁵. В 326 г. до н. э. (другая дата — 313 г. до н. э.) вспыхнуло вновь восстание плебеев против долговой кабалы, поводом к которому послужило жестокое обращение богатого кредитора Л. Папирия с сыном своего должника К. Публилием. Ливий (VIII, 28) передает эти драматические события: «...масса народа... устремилась на форум, а оттуда толпой в курию». Опасаясь усиления народного движения, в то время как шла война с самнитами, сенат по предложению консула Петелия принял закон об отмене долговой кабалы. «...Консулам приказано было (сенатом.— Авт.) предложить народу, чтобы никто не содержался в колодках или оковах, кроме действительных преступников, пока они не подвергнутся наказанию; за долги же должно отвечать имущество должника, а не тело его. Таким обра-

зом, закабаленные были освобождены и запрещено на будущее время брать должников в кабалу» (Ливий, VIII, 28).

Последним годом борьбы между патрициями и плебеями принято считать 287 г. до н. э., когда диктатор из плебеев Гортензий вторично провел закон, по которому решения плебисцитов (постановления, принятые плебеями на собраниях по трибам) — закон для всех граждан, в том числе патрициев. На этом заканчивается третий и последний этап борьбы. Таким образом, к началу III в. до н. э. верхушка плебса получила доступ ко всем магистратурам.

До III в. до н. э. основной антагонизм мы наблюдаем не между рабами и рабовладельцами, а между патрициями и плебеями. Рабы служили, по выражению К. Маркса, «лишь пассивным пьедесталом для этих борцов»⁶. В результате борьбы патрициев и плебеев изменился и социальный состав римского общества. В ходе этой борьбы оформилась социальная структура римского общества как общества рабовладельческого. «В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов...» — указывают К. Маркс и Ф. Энгельс⁷. Богатые и средние слои патрициев и плебеев составили класс рабовладельцев, а бедные слои патрициев и плебеев — класс плебса. Шло и формирование класса рабов.

Внутри класса рабовладельцев мы видим оформившееся в результате борьбы патрициев и плебеев сословие нобилитета и всадников. Плебс представлял из себя класс-сословие мелких собственников-производителей (земледельцы, ремесленники, мелкие торговцы). Плебс делился на сельский и городской. Сельский плебс по сравнению с городским был более однородным, хотя и среди него были люди с значительными земельными участками, а также ростовщики, закабалавшие бедноту. В состав городского плебса входили богатые торговцы и владельцы крупных ремесленных мастерских, мелкие ремесленники и торговцы, наемные работники и люмпен-пролетарии, жившие на подачки государства и патроннов. Своеобразное переходное состояние от свободы к рабству представляют кабальные (аддикты). Юриди-

чески свободные люди, расплатившись с долгами, они снова становились полноправными гражданами. Как писал Квинтилиан («О воспитании оратора», V, 10; VII, 4), закон, игнорировавший раба, принимал во внимание кабального, т. е. последний оставался членом гражданской общины, вне которой стоял раб. Зависимыми юридически от кредитора аддикты не были, но были обязаны расплатиться или при отсутствии денег отработать свой долг. Но фактически, как сообщает Дионисий Галикарнасский (V, 53, 1), кредиторы бросали их в тюрьму, если они не могли уплатить долг, и обращались с ними, как с купленными рабами. Одни должники работали в хозяйстве кредитора, другие — на своем задолженном наделе вместе с рабами (Дионисий, VI, 26, 1; 79, 2). Кабала то запрещалась законом (326 г. до н. э.), то вновь возрождалась и достигла значительного распространения в последний век Республики, когда кабальных использовали не только на италийских, но и главным образом на провинциальных землях (Саллюстий, «Заговор Катилины», 33, 1; «История», III, 4). Рабы также являлись классом-сословием, формирование которого продолжалось после III в. до н. э.⁸ Именно события III — II вв. до н. э., превратившие Рим во властителя Средиземноморья, привели к окончательному оформлению класса рабов, а антагонизм между рабами и рабовладельцами стал проявляться наиболее ярко. Однако в этот период классовая борьба свободных не прекращалась.

Новое обострение социальных отношений вызвали Пунические войны (особенно Вторая), которые принесли великие беды италийскому крестьянству. Оно страдало не только от опустошительных действий армии Ганнибала, но и от римских властей, которые истребляли людей и производили массовые конфискации земель у италиков, поддерживающих карфагенян. Тит Ливий сообщает, что «все кампанцы, ателланы, калатины, сабатыны отдали на милость консула Фульвия Флакка (консул 209 г. до н. э. — Авт.) и народа римского не только себя, но и свои поля, города со всем имуществом» (XXVI, 34). Их имущество было продано, а конфискованная земля, в том числе и посевы, сдана в аренду, совершеннолетние мужчины превращены в рабов (Ливий, XXVI, 34; XXVII, 3).

Римская колонизация также была причиной страда-

ний массы италийских крестьян, которые лишались земли и разорялись. Выведение римских колоний (праждан и ветеранов) вызывало сильную ненависть к Риму со стороны италиков. Известно, что при завоевании Италии римляне от 1/3 до 2/3 земель покоренных племен италиков превращали в *ager publicus*. Эта земля раздавалась римской служилой аристократии, продавалась с торгов (обычно по дешевой цене) римским богачам, сдавалась в аренду, отводилась под раздел ветеранам и пражданским колонистам. Какая-то часть захваченной земли делилась среди римской бедноты. Местное население оказывало упорное сопротивление захвату своих земель и основанию римских колоний. Например, когда в 178 г. до н. э. такая колония была заложена в Лигурии, то «лигуры в том же году напали на римскую колонию, опустошив эту область», — пишет Ливий (XII, 14). Нам представляется, что здесь мы имеем случай сочетания освободительной и классовой борьбы: мелкие землевладельцы-италики боролись с римлянами-завоевателями, а после установления их господства — с римлянами — крупными землевладельцами, а также со своей италийской верхушкой, которая также была крупным землевладельцем.

Подобное сочетание освободительной и классовой борьбы наблюдается в Африке, где ливийские крестьяне боролись с карфагенской знатью, поднимая иногда даже восстания. Полибий рассказывает о том, что карфагенская знать жестоко властвовала над населением Ливии, «взыскивая половину всех плодов, а также удвоив городам подати» (I, 72, 1—2). Первым известным движением было восстание 396—394 гг. до н. э., в ходе которого восставшие крестьяне заняли Тунет (современный Тунис) и к ним присоединились многочисленные рабы. Карфагенскому правительству удалось подавить движение лишь путем подкупа некоторых вожakov восстания (Диодор, XIV, 77). Наиболее крупным движением ливийского крестьянства, в котором также участвовали рабы, было восстание карфагенских наемников во главе с Матосом и Спендием (241—238 гг. до н. э.), которое подробно изложено у Аппиана («О войнах в Сицилии», II, 3) и Полибия (I, 65—88)⁹. Во время этого восстания ярко проявилась классовая солидарность даже враждующих рабовладельцев. Римляне «великодушно» разрешили карфагенянам получать

продовольствие из Италии и Сицилии и набирать новых наемников в Италии для подавления восстания.

Новый этап борьбы в Риме начинается в 30-х годах II в. до н. э. Вследствие усилившейся концентрации крупной земельной собственности мелкий землевладелец оказался перед угрозой разорения. Социальная борьба в этот период была прежде всего борьбой двух классов: класса крупных землевладельцев-рабовладельцев и класса мелких свободных производителей-крестьян. Движению Гракхов предшествовала идея, возникшая в кружке Сципиона Эмилиана, о необходимости проведения аграрной реформы с целью восстановления крестьянского землевладения, что позволит усилить римскую армию. Осуществления законопроектов братьев желали свободные мелкие землевладельцы, а противились этому крупные землевладельцы-рабовладельцы. Положение первых было таково, что они «обратились в крайних бедняков,— пишет Аппиан,— что вследствие этого жены их бесплодны, что они не могут кормить имеющих у них детей, что их положение стало невыносимым» («Гражданские войны», I, 10). Тиберий, который вначале стремился лишь к восстановлению римского военного могущества, невольно превратился в вождя широкого народного движения, который неожиданно для себя стал на путь решительных действий. Он открыто выступил против сената, объявил приостановленной деятельность всех остальных магистратов для проведения в жизнь аграрного закона, опечатав казну в храме Сатурна, так что прекратилась деловая жизнь. Радикальным актом было также решение вопроса об *ager publicus* самим народом (традиционно казенной землей до сих пор распоряжался сенат). Город казался разделенным на два враждебных вооруженных лагеря (Плутарх, «Тиберий», 10; Дион Кассий, фр. 836). Однако Гракхи потерпели поражение прежде всего потому, что сохранить мелкое землевладение невозможно в условиях развитого рабовладения, бурно растущих денежных отношений и ростовщичества. Борьба против крупного землевладения в конечном счете оказалась бесплодной для бедняков, хотя реформы Гракхов улучшили многие стороны государственной жизни, что отметил уже Цицерон («Речь об аграрном законе», II, 10). После гибели Гая Гракха по закону 111 года (народного трибуна Спурия Тория) было разрешено продавать наделы, полу-

ченные безземельными в результате реформы. «И немедленно,— пишет Аппиан,— богатые стали скупать участки у бедных, а иной раз под этим предлогом и насильно отнимали их. Положение бедных еще более ухудшилось» («Гражданские войны», I, 27).

С движения Гракхов в Римском государстве, по мнению С. Л. Утченко, начинается «социальная революция»¹⁰. Высшим этапом «социальной революции», начатой прахханским движением, была Союзническая война (91—88 гг. до н. э.), т. е. восстание италийского крестьянства (не только мелких, но и средних землевладельцев). Это была та же борьба, которую вели некогда римские плебеи против патрициев, но на расширенной основе, в общейталийском масштабе¹¹. Не описывая Союзнической войны, мы напомним лишь итоги ее, а следовательно, и итоги данной «социальной революции». Во-первых, большая часть италийского крестьянства получила доступ к *ager publicus* на условиях, равных с римскими гражданами; во-вторых, большинство италийского населения приобрело римские права, в том числе право участия в комициях (фактически весьма ограниченное); в-третьих, Союзническая война подорвала полисную организацию Рима.

Гракханское движение открывает собой гражданские войны в Риме, продолжением которых является Союзническая война. Под «гражданскими войнами», происходившими в Риме во II—I вв. до н. э., понимают в советской историографии борьбу, притом вооруженную, между крупными землевладельцами-рабовладельцами и мелкими свободными производителями, а также между различными группировками господствующего класса (например, между сенаторами и всадниками). Восстания рабов в понятие «гражданские войны» большинство авторов не включает, хотя проф. С. И. Ковалев считал это неправильным¹². Не являясь гражданами, рабы, однако, были существенной составной частью римского общества. Если понимать под гражданской войной борьбу враждебных антагонистических классов, сословий и группировок данного общества, то восстания рабов мы обязаны включить в понятие «гражданские войны», под которыми не следует понимать борьбу между враждебными группировками лишь граждан.

Однако борьба свободных крестьян и борьба рабов — это две линии борьбы, не сливающиеся воедино в древнем мире, где слишком велика была пропасть между рабом и свободным. В 30—40-х годах в советской историографии существовало мнение о «союзе» свободного с рабом во время гражданских войн, но это не подтвердилось строгой научной проверкой. В борьбе с угнетателями не было единства даже среди рабов. Не следует забывать, что их положение отнюдь не было одинаковым. Некоторые рабы имели собственные мастерские и даже эксплуатировали труд рабов. Такие рабы рабов назывались викарии. Меньшая часть класса-сословия рабов занимала привилегированное положение (управляющие, вилики, надсмотрщики, педагоги, актеры, наложницы и др.), и если доходило дело до борьбы, то была на стороне своих господ, охраняла их жизнь и имущество. Примеры такой «преданности» рабов своим «гуманным» хозяевам собрал из источников и привел в своем труде А. Валлон. Однако и он подчеркивает, что «эти примеры — лишь частичные случаи, которым можно противопоставить другие»¹³. Наибольшую ненависть к рабовладельцам питали рабы, занятые на исключительно тяжелых работах (в рудниках, каменоломнях), а также гладиаторы, постоянно находившиеся под угрозой смерти.

В Римском государстве рабы вначале вели борьбу лишь в пассивной форме (уклонение от труда, порча орудий труда, бегство), и в этом наблюдается абсолютное сходство с другими странами древнего мира. Отличие состоит в том, что в Риме рабы значительно чаще прибегают к активной форме борьбы, к восстаниям: здесь их произошло несколько, притом весьма крупных, а восстание Спартака древние авторы сравнивали даже с нашествием Ганнибала. Восстание, как правило, свидетельствует об обострении сословно-классового антагонизма. Не случайно наиболее крупные восстания происходили в период расцвета рабовладельческой формации¹⁴. Следует также отметить, что римские авторы, как правило, не уделяли достаточного внимания восстаниям рабов, описывая их кратко и поверхностно, потому что эти восстания в представлении рабовладельцев были вершиной беззакония и преступности.

Сведений о выступлениях рабов в начале Республики источники донесли очень мало. Судя по сведениям Дио-

нисия Галикарнасского и Тита Ливия, такие волнения рабов наблюдаются либо в связи с борьбой плебеев, либо в связи с внешними нашествиями. Так, «навязчивой идеей» рабов и плебеев было поджечь город и захватить Капитолий¹⁵. Для этого были составлены два заговора в 501 и 500 г. до н. э., которые были, однако, раскрыты и главари казнены (Дионисий Галикарнасский, V, 51; V, 55). О другом заговоре с участием рабов во время войны с вольсками очень глухо сообщает и Тит Ливий (III, 15). Заговор был тоже подавлен.

Первое восстание римских рабов, сведения о котором достаточно ясны из источников, относится к 420 г. до н. э. Ливий о нем сообщает следующее: «...рабы, составив заговор, намеревались в разных пунктах поджечь город и занять вооруженной силой кремль и Капитолий в то самое время, когда народ со всех сторон победит тушить горящие дома... По доносу двух рабов виновные в заговоре были схвачены и понесли наказание» (IV, 45). От IV и III вв. сведений о движениях рабов до нас дошло мало.

Во время I Пунической войны, перед победой консула 260 г. до н. э. Гая Дуилия в морском сражении, 3 тысячи рабов и 4 тысячи союзников, предназначавшиеся для службы в римском флоте, составили заговор с целью захватить и разрушить Рим, но были преданы (Орозий, «История», IV, 7). Тит Ливий сообщает о заговоре рабов в 217 г. до н. э., который тоже был раскрыт и закончился казнью 25 рабов (XXII, 33). Имеются сведения не только о выступлениях рабов в Риме. К 265 г. до н. э. относится восстание рабов и бедноты в этрусском городе Вольсинии. Это был последний город, не покорившийся еще Риму. В борьбе с Римом знать города не останавливалась ни перед какими средствами. Так, видимо, в качестве последнего средства было решено вооружить собственную бедноту и даже рабов. Однако беднейшие свободные и рабы обратили это оружие против власти местной аристократии. И тогда знать города Вольсиний обращается за помощью к Риму, который сумел подавить восстание рабов и бедноты и установил в городе свое господство (Зонара, Хроника, VIII, 7). Таким образом, классовая солидарность рабовладельцев в борьбе с рабами вновь сыграла свою роль.

На II—I вв. до н. э. приходится наибольшее количество выступлений. Рассмотрим их по формам борьбы. Наиболее распространенной из них было бегство. В «Речи против Верреса (О казнях)» Цицерона неоднократно упоминаются бежавшие рабы во время Первого, Второго Сицилийских и спартаковского восстаний (I, 1; II, 5; III, 7; IV, 10; X, 25; XV, 39; XVII, 42 и др.). Попилий Ленат в надписи сообщает, что, будучи претором в Сицилии, он разыскал и возвратил 917 беглых рабов-италиков (CIL, I. 460). Наиболее часто и успешно бежали рабы во время войн. Нередки случаи, когда рабы убивали своих хозяев, уничтожали их имущество и строения (Плиний, «Естественная история», XXXVI, 24, 12). Рабы в Риме также участвовали в борьбе группировок свободных. Как сообщает Луций Ампелий («Памятная книга», 26), консул Опимий и Децим Брут Каллеций, пообещав рабам свободу, с их помощью разбили сторонников Гая Гракха. А Аппиан («Гражданские войны», I, 26) рассказывает, что Гай Гракх и его друзья также «сзывали рабов, обещая им свободу, но никто их не слушал». По словам того же Аппиана, рабы, перебежавшие к Цинне в 87 г. до н. э., «согласно его объявлению получившие свободу и служившие теперь в войске Цинны, вторгались в дома, грабили их и убивали всех, кто попадался им под руку. Некоторые из рабов управлялись преимущественно со своими бывшими господами» («Гражданские войны», I, 74). Как показывают наблюдения Е. М. Штаерман, в борьбе группировок рабовладельцев принимали участие преимущественно рабы, занятые в городском ремесле и вступающие в контакт с городскими плебеями¹⁶.

В римской истории II—I вв. до н. э. известен ряд заговоров с целью поднять восстание, но их обычно выдавали доносчики. Так было, например, в 199 г. до н. э. в городке Сетии (Лаций) и Пренесте, где казнили около 500 рабов. Среди них было много рабов знатных карфагенских заложников. Заговор выдали двое рабов и один свободный, а руководил расправой претор Луций Корнелий Лентул, набравший по дороге из Рима в Сетию двухтысячный отряд из крестьян (Ливий, XXXII, 26; Зонара, IX, 16). Исследователи отмечают тенденциозность в изложении Ливия и Зонары: заговор организовали знатные карфагенские заложники. Если бы это было так, то заложников также казнили

бы, но об этом в источниках нет ни слова. Из сообщения Зонары (IX, 16, 9—10) видно, что восставшие захватили несколько городов и успели казнить многих «туземцев», как называет византийский историк местных рабовладельцев. Это восстание было естественным следствием обострения отношений между рабами и рабовладельцами на стадии высшего развития рабовладельческого строя. В 196 г. в Этрурии дело дошло до сражения рабов с римскими легионерами под командой претора Манья Ацилия Глабриона. При подавлении восстания претором, повествует Ливий, из восставших рабов «много было убито, много взято в плен; других, которые были вождями заговора, после бичевания он распял на кресте, иных возвратил господам» (XXXIII, 36, 1—3). Через 10 лет восстали пастухи-рабы Апулии, но были разбиты, многие казнены, однако большинству удалось бежать (Ливий, XXXIX, 29; 41). Во время Первого сицилийского восстания рабов происходили серьезные волнения в Лации: в районе Минтурны, где было распято 450 рабов, и в Синуэссе дело дошло до организации 4-тысячного отряда рабов, который однако был разбит римлянами (Орозий, «История», V, 9, 4). Перед Вторым сицилийским восстанием 200 рабов восстали в районе Капуи. Несколько позже там же мятеж рабов (вначале своих) организовал римский всадник Тит Минуций (Ветгий), так как не мог уплатить долг за рабыню, в которую он влюбился. Минуций провозгласил себя царем, его отряд вскоре достиг 3500 человек, но авантюра закончилась самоубийством самозванца и истреблением римлянами повстанцев, которых предал полководец «царя» Аполлоний (Диодор, XXXVI, 2).

Период активных выступлений рабов начинается с 199 г. до н. э. и заканчивается разгромом уцелевших отрядов Спартака в 62 г. до н. э. Формирование классического рабства вызвало обострение классовой борьбы и переход рабов к самостоятельным выступлениям. Сейчас уместно напомнить определение раба в классическом понимании этого термина. Раб с IV в. до н. э. в Греции и со II в. до н. э. в Риме — это непосредственный производитель, полностью лишенный средств производства, юридических и гражданских прав и составляющий полную собственность своего господина¹⁷. Раб — вещь, которую можно купить и продать, подарить, завещать, сдать в аренду, заложить; он — рабочее

На II—I вв. до н. э. приходится наибольшее количество выступлений. Рассмотрим их по формам борьбы. Наиболее распространенной из них было бегство. В «Речи против Верреса (О казнях)» Цицерона неоднократно упоминаются бежавшие рабы во время Первого, Второго Сицилийских и спартаковского восстаний (I, 1; II, 5; III, 7; IV, 10; X, 25; XV, 39; XVII, 42 и др.). Попилий Ленат в надписи сообщает, что, будучи претором в Сицилии, он разыскал и возвратил 917 беглых рабов-италиков (CIL, I. 460). Наиболее часто и успешно бежали рабы во время войн. Нередки случаи, когда рабы убивали своих хозяев, уничтожали их имущество и строения (Плиний, «Естественная история», XXXVI, 24, 12). Рабы в Риме также участвовали в борьбе группировок свободных. Как сообщает Луций Ампелий («Памятная книга», 26), консул Опимий и Децим Брут Каллеций, пообещав рабам свободу, с их помощью разбили сторонников Гая Гракха. А Аппиан («Гражданские войны», I, 26) рассказывает, что Гай Гракх и его друзья также «сзывали рабов, обещая им свободу, но никто их не слушал». По словам того же Аппиана, рабы, перебежавшие к Цинне в 87 г. до н. э., «согласно его объявлению получившие свободу и служившие теперь в войске Цинны, вторгались в дома, грабили их и убивали всех, кто попадался им под руку. Некоторые из рабов расправлялись преимущественно со своими бывшими господами» («Гражданские войны», I, 74). Как показывают наблюдения Е. М. Штаерман, в борьбе группировок рабовладельцев принимали участие преимущественно рабы, занятые в городском ремесле и вступающие в контакт с городскими плебеями¹⁶.

В римской истории II—I вв. до н. э. известен ряд заговоров с целью поднять восстание, но их обычно выдавали доносчики. Так было, например, в 199 г. до н. э. в городке Сетии (Лаций) и Пренесте, где казнили около 500 рабов. Среди них было много рабов знатных карфагенских заложников. Заговор выдали двое рабов и один свободный, а руководил расправой претор Луций Корнелий Лентул, набравший по дороге из Рима в Сетию двухтысячный отряд из крестьян (Ливий, XXXII, 26; Зонара, IX, 16). Исследователи отмечают тенденциозность в изложении Ливия и Зонары: заговор организовали знатные карфагенские заложники. Если бы это было так, то заложников также казнили

бы, но об этом в источниках нет ни слова. Из сообщения Зонары (IX, 16, 9—10) видно, что восставшие захватили несколько городов и успели казнить многих «туземцев», как называет византийский историк местных рабовладельцев. Это восстание было естественным следствием обострения отношений между рабами и рабовладельцами на стадии высшего развития рабовладельческого строя. В 196 г. в Этрурии дело дошло до сражения рабов с римскими легионерами под командой претора Манья Ацилия Глабриона. При подавлении восстания претором, повествует Ливий, из восставших рабов «много было убито, много взято в плен; других, которые были вождями заговора, после бичевания он распял на кресте, иных возвратил господам» (XXXIII, 36, 1—3). Через 10 лет восстали пастухи-рабы Апулии, но были разбиты, многие казнены, однако большинству удалось бежать (Ливий, XXXIX, 29; 41). Во время Первого сицилийского восстания рабов происходили серьезные волнения в Лации: в районе Минтурн, где было распято 450 рабов, и в Синуэссе дело дошло до организации 4-тысячного отряда рабов, который однако был разбит римлянами (Орозий, «История», V, 9, 4). Перед Вторым сицилийским восстанием 200 рабов восстали в районе Капуи. Несколько позже там же мятеж рабов (вначале своих) организовал римский всадник Тит Минуций (Веттий), так как не мог уплатить долг за рабыню, в которую он влюбился. Минуций провозгласил себя царем, его отряд вскоре достиг 3500 человек, но авантюра закончилась самоубийством самозванца и истреблением римлянами повстанцев, которых предал полководец «царя» Аполлоний (Диодор, XXXVI, 2).

Период активных выступлений рабов начинается с 199 г. до н. э. и заканчивается разгромом уцелевших отрядов Спартака в 62 г. до н. э. Формирование классического рабства вызвало обострение классовой борьбы и переход рабов к самостоятельным выступлениям. Сейчас уместно напомнить определение раба в классическом понимании этого термина. Раб с IV в. до н. э. в Греции и со II в. до н. э. в Риме — это непосредственный производитель, полностью лишенный средств производства, юридических и гражданских прав и составляющий полную собственность своего господина¹⁷. Раб — вещь, которую можно купить и продать, подарить, завещать, сдать в аренду, заложить; он — рабочее

животное, которое можно заставить выполнять любую работу, а также убить.

Главной движущей силой восстаний и заговоров были сельские рабы — наиболее эксплуатируемая часть всех рабов¹⁸. Сельская свободная беднота в них не участвовала. Напротив, из нее римские магистраты нередко набирали отряды для подавления рабских движений.

Ход Первого (138—132 гг. до н. э.) и Второго (104—101 гг. до н. э.) сицилийских восстаний достаточно полно описан в учебниках. Остановимся на некоторых теоретических вопросах этого движения. Главное внимание исследователей сконцентрировалось на решении вопроса: каков был характер «государства» рабов, возникшего в результате восстаний, — рабовладельческий или антирабовладельческий. В источниках нет ясных свидетельств на этот счет, поэтому мнения разделились. Одни ученые (О. О. Крюгер) считали, что восставшие сохранили рабство как систему. Уцелевшие свободные стали «рабами своих рабов». Другие исследователи (С. И. Ковалев) полагали, что «государство» рабов «в основном не являлось орудием эксплуатации». А. В. Мишулин писал, что сицилийские восстания были «массовыми революционными выступлениями против системы рабовладельческого хозяйства, которая в Сицилии проявлялась в особо безобразных формах»¹⁹.

По мнению большинства исследователей, восставшие рабы, разрушая поместья ненавистных господ, щадили мелкие хозяйства крестьян и арендаторов; свободная сельская беднота не играла сколько-нибудь заметной роли в этих восстаниях, а городские люмпен-пролетарии стали даже носителями анархии²⁰. Об этом прямо говорят и некоторые источники: «Самое же замечательное во всем этом было то, что восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали мелких вилл, не уничтожали в них имущества, ни запасов плодов, и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием, чернь же из зависти, под видом рабов, устремившись по деревням, не только расхищала имущество, но и сжигала виллы» (Диодор, фр. XXXIV — XXXV кн.). В другом месте Диодор рассказывает: «Не только масса рабов опустошала охваченную мятежом область, но и свободные, не имевшие имений в ней, обратились к прабежу и бесчинствам. Лишенные состояния, они как в силу нужды, так и по бесчинству толпами распространялись по стране, угоня-

ли стада, расхищали скопленные в кладовых запасы и убивали попадавших им навстречу свободных и рабов...» (XXXVI, II). Уцелевших рабовладельцев восставшие заставили работать в оружейных мастерских (XXXIV, 2, 15), т. е. превратили в рабов в новом государстве. В этом несомненно сказалась известная ограниченность движения, скованного рамками своей эпохи. Новое «государство» рабов своим острием было направлено против бывших эксплуататоров-рабовладельцев, из которых уцелевшие стали теперь рабами. Следовательно, социальная природа государства не изменилась, социальные слои (классы) лишь поменялись ролями внутри неизменившейся общественной структуры. Впервые эту точку зрения высказали О. О. Крюгер и В. С. Сергеев. В 50-х гг. ее приняли и некоторые зарубежные ученые, в частности известный современный античник проф. Й. Фогт (ФРГ), который считает, что сицилийские восстания не были направлены против существования самого института рабства²¹.

Что касается наиболее грандиозного и первого в античном мире относительно организованного восстания рабов под руководством Спартака, то оно получило достаточное освещение в учебной литературе, хорошо представлено источниковым материалом в «Хрестоматиях». Поэтому мы коснемся некоторых сторон этого движения в историографическом аспекте, тем более, что некоторые вопросы еще не выяснены окончательно потому, что источники отрывочны и главное — тенденциозны. Правда рабов была противоположна правде свободных, особенно рабовладельцев. Поэтому правда о войне рабов, без всяких классовых искажений со стороны эксплуататоров, была невозможна. Прежде всего выясним вопрос: какова была причина разногласий в армии Спартака? Многие буржуазные ученые от Т. Моммзена и до сих пор считают, что главной причиной разногласий являлась этническая рознь. Этого мнения придерживается также Й. Фогт²². Еще в 30-х годах против этого взгляда выступили советские историки, в частности А. В. Мишулин. Основной причиной разногласий, по его мнению, являлась социальная неоднородность армии Спартака, т. е. наличие в ней, с одной стороны, рабов, с другой — свободных крестьян-бедняков («попутчиков»). Первые стремились освободиться от рабского состояния и даже ликвидировать рабовладельческую

систему; будучи классом-гегемоном, они проявляли революционную стойкость. Крестьяне, по определению Мишулина,— класс ведомый, преследовали узко эгоистические цели, добиваясь возвращения своих земель, а не освобождения рабов. Крестьяне-бедняки не понимали, что их цель может быть достигнута лишь при условии ликвидации рабовладельческой системы. Раб возглавлял Спартак, крестьян — Крикс. Различие двух задач движения предопределило в конечном счете разгром восстания²³. А. В. Мишулин, таким образом, неправомерно переносил некоторые закономерности пролетарской революции на восстание рабов в античном мире.

Взгляд С. И. Ковалева на этот вопрос иной. Противоречия в армии Спартака объясняются большей решительностью галло-германских рабов в борьбе с Римом и недостатком дисциплины. Саллюстий Крисп подтверждает эту мысль: «Крикс и единоплеменные с ним галлы и германцы хотели идти навстречу (римлянам.— Авт.) и вступить с ними в бой» («История», III, фр. 67). С. И. Ковалев обратил внимание на то, что А. В. Мишулин сильно преувеличивал роль крестьян в спартаковском движении вопреки источникам, которые говорят об их участии в восстании весьма скупо, например, Аппиан («Гражданские войны», I, 116) пишет, что Спартак принял в свой отряд лишь «кое-кого из сельских свободных рабочих». А. В. Мишулин также упускал из виду, что свободных бедняков и рабов разделяла пропасть²⁴. Взгляды этого ученого еще более резко критиковал А. Г. Сергиевский, о чем говорит даже название его рецензии²⁵. В. С. Сергеев и Н. А. Машкин объясняли разногласия в войске Спартака также его пестрым социальным составом, но в менее резкой форме, чем Мишулин²⁶. По иному решает этот вопрос А. А. Мотус-Беккер, правильно исходя из того, что источники говорят о весьма незначительном количестве свободных «попутчиков», т. е. крестьян, примкнувших к восстанию. Она объясняет разницу между его вождями разницей во взглядах на стратегию и тактику борьбы (время, место, тактика боя, маршрут движения, время и место выхода из Италии и т. д.), ссылаясь при этом на слова Саллюстия («История», III, фр. 67): «А рабы, спорившие из-за плана дальнейших действий, были близки к междоусобной войне»²⁷. А. Б. Ратнер обратил внимание на то

обстоятельство, что разногласия в армии рабов начались в то время, когда шло массовое истребление рабовладельцев, а Спартак пытался предотвратить излишние жестокости (Саллюстий, III, фр. 98; Орозий, V, 24, 3; Плутарх, «Красс», 9) и установить дисциплину. По мнению исследователя, эти действия вождя могли послужить одной из важных причин разногласий²⁸.

Вопрос о причине поворота войска восставших с севера на юг В. Н. Дьяков и французский исследователь Жан-Пьер Бриссон решают, не принимая в расчет объяснения Плутарха, так как он мог исказить некоторые факты умышленно или ненамеренно. Двигаясь на север, считают эти ученые, Спартак имел целью вновь разжечь войну италиков против Рима. Но это не удалось сделать, а сил для немедленного похода на Рим было недостаточно. Поэтому Спартак резко повернул от Мутины назад и двинулся на юг, чтобы пополнить свою армию, а затем обрушиться на Рим²⁹. Существует также мнение, что причиной возврата в Италию был ряд блестящих побед армии рабов над легионами, в результате чего у рабов появилась уверенность в своих силах. По этому поводу С. И. Ковалев пишет: «Едва ли можно допустить, чтобы, имея ум и самообладание, Спартак дал себя увлечь общему настроению и изменил свой основной план ухода из Италии. Но в эту минуту он потерял власть над своей недисциплинированной армией»³⁰. В новых работах также поддерживается мнение, что основная причина разногласий в лагере восставших — стихийность, неорганизованность, незрелость классового сознания рабов, а также частые случаи несогласованности военностратегического характера между вождями, но причина неожиданного поворота повстанцев с севера на юг достоверно не выяснена до сих пор³¹. Окончательно выяснить многие важные вопросы не позволяет скудость источников. Но можно утверждать, что роль крестьян в восстании была незначительна, так как это подтверждается источниками. Все античные авторы, писавшие о восстании Спартака, называют его «рабской войной» (*bellum servile*).

Следующий вопрос: чем отличается это восстание от других восстаний рабов в древности, в частности, на Сицилии? Кратко говоря, следующими особенностями:

- 1) наличием организации борьбы;
- 2) грандиозным масштабом (до Спартака не про-

исходило даже приблизительно такого разгрома правительственных войск восставшими);

3) наличием цели восстания, пусть и нечетко выраженной и не всеми руководителями поддерживаемой. Эта цель — вывод рабов за пределы Италии;

4) отсутствием попыток организовать государство вообще и, в частности, монархию, провозгласить вождем царем.

Некоторые авторы пускаются в рассуждения о том, что бы сделали рабы в случае своей победы, разумеется, окончательной. Возможны при этом, как полагают они, два варианта. Первый: разрушив рабовладельческое производство, восставшие вернулись бы к производственным формам, предшествовавшим рабовладельческому обществу, что означало бы полное разрушение античного общества. Второй вариант: рабы-победители превратились бы сами в рабовладельцев, т. е. произошла бы простая смена лиц без изменения характера общественного производства и всего общества³². Нам представляется бесцельным обсуждение этого вопроса прежде всего потому, что рабы в тех условиях не могли победить из-за недостаточного классового самосознания, неорганизованности, скудной материальной основы (вооружения), но главным образом потому, что рабы не были носителями нового способа производства.

Рассмотрим еще один важный вопрос: каково значение восстания Спартака для дальнейшего развития римского общества и государства? В 30-х годах С. И. Ковалев считал, что восстание нанесло сильнейший удар по рабовладельческому хозяйству Рима и ускорило переход от республики к империи³³. А. В. Мишулин думал, что в случае победы рабы превратились бы в пролетариев и могли уничтожить всякую частную собственность³⁴. В 40-х годах С. И. Ковалев, ничего не говоря о переходе от республики к империи, уточнил первое положение своих выводов: «Восстание Спартака было одной из важнейших причин того сельскохозяйственного кризиса, который разразился в Италии в конце Республики и который ей, в сущности, так и не удалось преодолеть»³⁵. В 50-х годах Ж.-П. Бриссон и В. Н. Дьяков полагали, что сицилийские и спартаковские восстания вызвали переход к новым способам эксплуатации рабов, особенно в сельском хозяйстве³⁶. Высказывалось также мнение, что восстание Спартака принудило рабовла-

дельцев разных прослоек римского общества консолидироваться и спустя несколько десятилетий перейти к «военной диктатуре» и новой государственной форме — принципату³⁷. Однако, начиная с 60-х гг., на основании более углубленного изучения источников ученые придерживаются иных взглядов на историческое значение наиболее грандиозного восстания рабов. Утверждать, что оно — главная причина перехода от республики к империи, — значит проявлять насилие над историческими фактами. Так, С. Л. Утченко в 1965 г. пришел к выводу, что «следует пересмотреть точку зрения, согласно которой восстание Спартака оказывается основной причиной перехода от республики к империи»³⁸. Дело в том, что переход от республики к империи связан, как свидетельствует объективное изучение источников, не с консолидацией господствующего класса, а, наоборот, с его дифференциацией и захватом политической власти новыми прослойками этого класса, причем новые прослойки были явно враждебны старым. Однако, с нашей точки зрения, указанные две гипотезы не исключают полностью друг друга. Следует согласиться с последним мнением Утченко, что при переходе от старой к новой форме государства действительно не наблюдается консолидации господствующего класса. Но группировки этого класса, враждующие в борьбе за власть, были едины в своих действиях в отношении рабов. Вопрос о роли восстания Спартака в изменении политической надстройки Римского государства не выяснен окончательно до сих пор. По крайней мере, не существует веских доказательств в пользу того, что переход к принципату, совершившийся через 40 лет после подавления восстания, является его прямым следствием. Переход к начальной стадии Империи обусловили другие, более важные причины. А. Б. Ранович указывал, что этот переход — «переворот», бывший результатом серьезного и глубокого общественного кризиса³⁹. Н. А. Машкин утверждал, что принципат был «прежде всего выходом из политического, а в известной мере и социального кризиса»⁴⁰. Переход к новой форме правления произошел прежде всего потому, что республиканская государственная форма сложилась на базе полиса и уже не соответствовала обширному государству, охватившему большую часть известного в то время мира. В его огромном теле, образно выражаясь, с перебоями билось отставшее в

своем развитии детское сердце⁴¹. При республике государство — орган, выражающий интересы кучки римских рабовладельцев, в период империи этот орган становится выразителем интересов господствующего класса всей Римской державы, в том числе и в плане эксплуатации рабов.

Студенту следует твердо знать высокую оценку восстания и его вождя, данную К. Марксом и В. И. Лениным. В письме Ф. Энгельсу его великий друг писал, что в изображении Аппиана Спартак является самым великолепным парнем во всей античной истории. «Великий полководец... благородный характер, истинный представитель античного пролетариата»⁴². В. И. Ленин считал, что война рабов под руководством Спартака была самой крупной государственной войной эпохи рабовладения, а Спартака называл «одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов...»⁴³

Наконец, нужно подчеркнуть положительный вклад советских ученых в изучение спартаковского движения, который заключается в том, что оно стало рассматриваться не как изолированное явление, а как одно из закономерных проявлений, классовой борьбы в римском рабовладельческом обществе.

Восстание имело значительные последствия прежде всего для положения рабов. Если до восстания надзор за рабами осуществляли их хозяева, то теперь государство берет эту нелегкую заботу частично на себя. Господа стараются разъединить рабов, создавая из надежной прослойки администраторов и надсмотрщиков, получающих привилегированное положение. Это достигается, главным образом, обещанием пекулия⁴⁴ и манумиссии (освобождения) по завещанию, что вызывает расслоение рабской фамилии, в ней формируется благонамеренный слой, на который рабовладелец мог положиться. Заслуженным отпущенникам Август предписал жаловать золотое кольцо, что давало им статус свободнорожденных и право занимать всаднические должности (Дион Кассий, LIV, 16, 2). Все указанные меры тормозили проявление классовой борьбы, особенно в форме крупных организованных движений. На эти стороны в частичном изменении положения рабов после восстания особое внимание обратила Е. М. Штаерман⁴⁵.

После разгрома спартаковского движения выступления рабов и их участие в борьбе прослоек свободного

населения постепенно сходят на нет. Самым крупным движением этого периода было бегство десятков тысяч рабов к Сексту Помпею, который принимал их в свои войска и флот, базировавшиеся в 43 г. в Сицилии, для борьбы с членами II триумvirата. К нему бежало также множество свободных граждан, главным образом, внесенных триумвирами в проскрипционные списки, а также плебеев, положение которых ухудшилось в ходе разорительных гражданских войн. В Сицилии возникло своеобразное «государство», где остатки римской знати, плебс уживались с беглыми рабами и пиратами. Рабы массами бежали к сыну Помпея Великого из Италии. Бегство достигло таких размеров, что весталки, как сообщает Дион Кассий (XLVIII, 19), вставили в свое обращение к богам просьбу о том, чтобы те прекратили бегство рабов. Помпей стал объектом ненависти итальянских рабовладельцев, которые, издеваясь над ним, называли его «рабом своих рабов и вольноотпущенником своих вольноотпущенников» (Веллей Патеркул, «Римская история», II, 73). Следует отметить, что бегству рабов содействовали проскрипции триумvirов, которые ослабили узы, связывающие раба с рабовладельцем, правительству в это время было не до охраны рабовладения⁴⁶. Секст же принимал беглых рабов для борьбы с триумвирами потому, что иными средствами не мог пополнять свои войска⁴⁷. Октавиан и Антоний при Мизенском свидании в 39 г. до н. э. вынуждены были заключить с Секстом договор, согласно которому рабы, уже зачисленные в его войска, получают свободу, что утвердил и сенат (Аппиан, «Гражданские войны», V, 131), но потребовали от Помпея впредь не принимать ни рабов, ни свободных. Когда в 38 г. до н. э. Октавиан начал войну с ним, то изображал ее, несмотря на наличие в армии противника большого контингента свободных, как борьбу с пиратами и беглыми рабами, называя ее прямо «рабской войной» («Деяния божественного Августа», гл. 25; 26; 27). Солдат-рабов Помпея после поражения, нанесенного ему полководцем Октавиана Марком Випсанием Агриппой (36 г. до н. э.) разместили по различным областям. Октавиан вероломно обещал, что они будут служить в его войсках. Затем командирам легионов был послан его приказ, который они должны были вскрыть в один и тот же день. Бывшие рабы, числом 30 тысяч, были возвращены своим

господам для надлежащего наказания («Деяния...», гл. 25). Еще 6 тысяч, которых никто не брал, были казнены возле городов, откуда они бежали к Помпею (Аппиан, «Гражданские войны», V, 131). Октавиан заслужил вероломством и жестокостью по отношению к рабам большую симпатию у рабовладельцев (там же, V, 132).

В конце I в. до н. э. и в течение первых десятилетий I в. н. э. происходили также восстания, небольшие по числу участников. Один из Лже-Неронов был рабом из Понта (Тацит, «История», II, 8). В числе участников мятежей, направленных против Гальбы и Отона, находилось немало рабов (Тацит, там же, I, 4; 32).

В эпоху ранней Империи борьба принимает иные, внешне менее заметные формы, но тем не менее эффективные. Особенно усилилось бегство рабов и колонов. Колонат становится известен в эпоху кризиса Республики. На его появление оказали влияние и восстания рабов. Правда, не следует преувеличивать влияние спартаковского движения на экономику, на переход к колонату, так как труд рабов начинает вытесняться трудом колонов не ранее середины II в. н. э., т. е. спустя 200 с лишним лет после восстания⁴⁸.

Колонат, безусловно, связан с арендными отношениями. Арендаторы заключали с землевладельцем договор на аренду земельного участка, платили натуральную или денежную ренту. Однако условия аренды земли у крупных латифундистов все более усложнялись, арендная плата росла, колоны разорялись и по своему положению приближались уже во II в. н. э. к рабам. Отчаявшиеся колоны, несмотря на то, что юридически они были полноправными гражданами, бежали от своих хозяев, как обыкновенные рабы. Поэтому законодательство стремится подавить даже мысль о бегстве. Юрист Целий пишет, что «беглым рабом является уже тот, который выходит из дому с мыслью больше не возвращаться к хозяину», хотя бы фактически он и не бежал («Дигесты», XXI, 1, 1.17). Тот, кто «по человеколюбию или по состраданию» давал у себя приют беглецам, делался соучастником их бегства и подлежал суровому наказанию («Дигесты», XI, 4, 3). В римской юриспруденции беглецы (*fugitivi*), нередко применявшие оружие против рабовладельцев, получили название *latrones* («разбойники»). Авторы, изучавшие движение *latrones*,

пришли к выводу, что оно было стихийной формой протеста против порабощения, как и предшествовавшие движения⁴⁹. По большей части беглецов, захваченных живыми, распинали на крестах для устрашения населения и для «утешения родственников и соседей убитых ими лиц» («Дигесты», XLVIII, 19, 28, 15). В Сицилии во времена Августа некий Селур, став во главе большого вооруженного отряда, долгое время делал набеги на виллы богачей в окрестностях Этны. «Еще недавно, в наше время,— пишет Страбон,— был отослан в Рим некто Селур, по прозванию «Сын Этны», который долгое время во главе вооруженной шайки опустошал частыми набегами окрестности Этны. Я видел, как его растерзали дикие звери во время устроенного на форуме гладиаторского боя» («География», VI, 2, 6).

В это же время в Испании действовал Корокотта, создавший отряд из местного населения для борьбы с римскими рабовладельцами. Действия этих «разбойников» приобрели такой размах, что Август назначил награду в миллион сестерциев тому, кто доставит «атамана» живым. Дион Кассий (XV, 43) рассказывает, будто Корокотта лично явился к императору, который простил его и отдал ему обещанную награду (по-видимому, это исторический анекдот).

Хотя между рабами и свободными бедняками не существовало настоящей солидарности в борьбе с угнетателями, однако нередко проявлялось обоюдное сочувствие. Так, в 61 г. (правление Нерона) был убит префект Рима Педаний Секунд одним из своих рабов. Согласно действующему закону (подтвержденному сенатом в 57 г.), подлежали казни «как в видах мщения, так и безопасности» все рабы, находившиеся в поместье убитого. Таких оказалось около 400 человек. Дело дошло до сената, где прозвучали многие голоса против такой массовой расправы. Однако большинство сенаторов под влиянием речи Гая Кассия⁵⁰ высказались в пользу точного применения закона. Но когда осужденных повели на казнь, собралась большая толпа городских люмпен-пролетариев, пытавшаяся их отбить. Пришлось вызвать войска, которые оцепили всю дорогу к месту казни, и только тогда удалось привести приговор сената в исполнение. Об этом рассказывал Тацит в своих «Анналах» (XIV, 42—45).

В 187 г. беглые рабы совместно с солдатами-дезерти-

рами участвовали в отрядах Матерна, восставших в правление Коммода в Галлии и на севере Италии (Геродиан, «История царствования после Марка», I, 10). В отрядах было немало свободной сельской бедноты. Имеются сведения о движении *latrones* и в эпоху Северов, оно находило еочувствие и поддержку среди народа. Дион Кассий рассказывает, что в 197 г. Септимий Север лично принимал участие в операциях по ликвидации «некоего разбойника» Клавдия, который во главе многочисленного и хорошо вооруженного отряда долгое время опустошал Иудею и Сирию. Клавдию едва не удалось захватить в плен самого императора (LXXV, 2, 4). К началу III в. относится борьба в Италии с отрядами «благородного атамана» Буллы Феликса, которые состояли из бежавших рабов и свободной бедноты (Дион Кассий, LXXVII, 10). Следует иметь в виду, что среди *latrones* было немало и настоящих разбойников, в действиях которых неверно усматривать классовую устремленность.

Е. М. Штаерман считает, что соединение в отрядах рабов и свободных знаменует собой начало нового этапа классовой борьбы⁵¹. Другие авторы вполне обоснованно подчеркивают, что эти совместные выступления свободных и рабов в III — IV вв. н. э. тем не менее не следует считать сливающимися. Даже колонны обладали в отличие от рабов рядом привилегий свободных людей⁵². Презрительное отношение свободных к рабам сохранялось по-прежнему. Объединение на время выступлений объясняется не тем, что рабы в своем положении стали уподобляться свободным, а тем, что свободные бедняки все больше приближались к рабам⁵³. В надписи 238 г., найденной во Фракии, крестьяне жалуются, что вымогательствами и насилиями сборщиков податей они доведены до полного разорения, что они «не в силах больше снести» чинимых им обид и, не имея больше возможности уплачивать налоги и исполнять повинности, будут вынуждены покинуть свои родные очаги и сделаться беглыми по примеру многих односельчан⁵⁴. Мелкие земледельцы неуклонно нивелировались в направлении к колонату, который приобрел широкое распространение. Полусвободные колонны, не являясь единоличными собственниками орудий производства (колон и его имущество в правовом отношении считаются инвентарем виллы или латифундии), фактически (но не

юридически) приближались по своему положению к рабам. В период поздней империи эдикты, издаваемые правительством, превращали колонов в наследственное сословие. Первым законодательным актом, фиксирующим зависимое положение колонов, следует считать известный указ Константина от 30 октября 332 г.⁵⁵ К рабскому приближалось и положение городской бедноты. Лактанций подчеркивает бесправие бедняков («О смерти гонителей», 7, 23), а историк христианской церкви Евсевий пишет, что ткачи и шерстопрядильщики причислялись, по сути дела, к рабам фиска («О жизни Константина», II, 54).

В 263—264 гг. произошло восстание рабов в Сицилии. Это третье сицилийское восстание является единственным мятежом рабов в III в., упоминаемым источниками. Возможно, к нему примкнула какая-то часть беднейшей сельской и городской бедноты. Но, к сожалению, никаких деталей об этом восстании мы не знаем. Источник сообщает лишь о «войне с рабами» в Сицилии, где «бродили разбойники, которые с трудом были разгромлены» («История Августов», XXIII, 4, 9). Крупнейшим движением в III в. было восстание мастеров и рабочих монетного двора в Риме. Среди восставших были как свободные, так и государственные рабы. Император Аврелиан (270—275 гг.) пытался пресечь увеличение лигатуры (примесь малоценных металлов) монетчиками. На этой почве вспыхнули волнения, подстрекателем которых явился прокуратор монетного двора вольноотпущенник Фелициссим. Волнения перебрались в среду городского населения и переросли в восстание. В бою между монетариями и солдатами императора погибло 7 тысяч последних. Неизвестно, сколько погибло восставших, но, надо полагать, значительно больше («История Августов», XXVI, 38, 2—4).

Новыми проявлениями борьбы являлись бегство рабов за границу Империи, к варварам, о чем находим свидетельства в «Дигестах» (XLVIII, 15, 19, 5), у Евсевия («О жизни Константина», II, 27), а также выступления, связанные с церковными распрями (Евсевий, там же, III, 4; 59).

Начиная с конца III в. выступления эксплуатируемых масс происходят преимущественно в провинциях, во-первых, против местных крупных землевладельцев, местной знати, во-вторых, против Рима и прежде всего

против его налогового обложения. Среди важнейших выступлений рабов и колонов в поздней империи — движение багаудов. Согласно новым исследованиям, первое упоминание о багаудах (по-кельтски — «борцы») относится не к 269—270 гг. (как думали раньше), а к 283 г., поэтому отпадает версия о такой крупной акции восставших как взятие и разрушение Августодуна. Движение багаудов охватывало преимущественно свободное крестьянство, именуемое в источниках «сельчане» (*vicani*), «земледельцы» (*agricolae*) и «мужики» (*rusticani*), а также колонов. Естественно допустить участие в движении городской бедноты, но о рабах нет никаких упоминаний. После разгрома багаудов Максимианом в 285 г. о них нет никаких упоминаний в источниках вплоть до начала V в. Движение багаудов возродилось в первом десятилетии. В 408 г. отряд повстанцев отнял добычу у отряда имперских войск, находившегося под командой Сара в проходах Альп (Зосим, «История», IV, 2, 5). В дальнейшем наблюдается новое явление в движении багаудов: к нему присоединяются рабы, о чем сообщает «Галльская хроника» (117, год 435). Согласно Сальвиану, главная причина, по которой крестьяне вливались в отряды багаудов, заключалась в том, что они не могли выплачивать налоги («тяжесть, несомая бедными, превышает их силы»), а также в злоупотреблениях судей и сборщиков налогов («Об управлении божьем», V, 5, 22; 7, 28). Он характеризует багаудов как людей свободных и обладавших раньше правами римского гражданства (V, 6, 24). Следовательно, надо полагать, основным ядром их, как и вначале, были разорившиеся крестьяне, к которым пристают рабы и колоны. Острые движения багаудов было направлено как против римского господства, так и против местных магнатов (Зосим, IV, 2, 5). А. Р. Корсунский высказывает предположение, что в отдаленных местностях Галлии багауды создавали свои общины, где не признавались ни римские законы, ни власть римских чиновников.

Епископ Амвросий Медиоланский (337—397 гг.) писал о богачах своего времени, что они непрестанно увеличивают границы своих полей, прибавляют имение к имению, дом к дому, сгоняют бедняка с его крохотного участка, выбрасывают несчастного за пределы его отцовской земли, строят жилища для диких зверей и разрушают жилища людей (*De Nabuthae*, III, 11, 12).

Обращаясь к богачам, он говорит: «Вы одеваете стены, а обнажаете людей. Перед твоим домом вопиет нагой, а ты не обращаешь внимания; вопиет нагой человек, а ты озабочен, каким мрамором выложить твои полы. Бедный просит денег и не получает, человек требует хлеба, а твой конь прыгает в зубах удила золотые...» (там же, XIII, 56). Сборщики налогов и магистраты, по словам Либания, накладывали на крестьян такие тяжелые подати и повинности, что даже состоятельные люди разорялись и становились бедняками. В результате разоренные крестьяне залезали в долги и, не имея возможности расплатиться с ростовщиками, вынуждены были продавать не только свои участки, но и самих себя, или спасаться бегством от кабалы, уходя в бродяжничество и разбой («Речи», XLVII, 7, 8). И далее самая суть: «Вот что превращает земледельцев в разбойников, вот что влагает им в руки железо, не то, которое дружит с землей, а то, которое убивает» (там же). Приведенные места из источников — штрихи социальной обстановки в восточных провинциях Империи в IV в. н. э.

Вторжения варваров в пределы Римской империи в значительной мере облегчались классовой борьбой между *honestiores* и *humiliores*. Следующие выдержки из источников прекрасно подтверждают известную мысль Ф. Энгельса о том, что «варваров, от которых оно (римское государство.— Авт.) бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»⁵⁶. Так, Зосим (IV, 32, 2, 3) рассказывает о действиях римских налоговых чиновников в правление Феодосия I (378—395 гг.) в отношении местного населения провинции Мёзии: «И можно было видеть, что отбиралось все, что оставило человеколюбие варваров. Не только деньги, но и женские украшения и всю одежду вплоть до последней рубашки нужно было отдавать в качестве налога. Не было ни города, ни деревни, где не раздавалось бы воплей и стонов. Все призывали варваров и умоляли их о помощи». Другой автор, Евнаций пишет: «Сила разврата была такова, что начальники городов поступали враждебнее врагов... Наводнение бедствий было так велико, что казалось золотом, белым днем, когда варвары одерживали победу» (фр. 50). Эти резкие противоречия внутри Римской империи в значительной мере обусловили, например, разгром и уничтожение римских войск в битве с вестготами под Адрианополем в 378 г.

Следует отметить, что у римских писателей варвары очень часто заслоняют народные массы провинций, покоренные значительно раньше римскими завоевателями. Этому содействовала и путаница с названиями народов. Например, поздние римские авторы путали гетов (мезов фракийцев) с готами (вторгающимися варварами). Эта путаница имела следствием то, что борьба (классовая и освободительная) мезийского и фракийского народов, давно вошедших в состав Империи, изображается римскими писателями как борьба римлян с вторгающимися из-за Дуная варварами («готами»), следовательно, теряет свой классовый и освободительный характер.

Существовал ли союз между варварами и народными массами Империи? Что сообщают об этом источники? Так, Аммиан Марцеллин считал, что варвары несли разорение и гибель населению римских пограничных провинций. «Как дикие звери, привыкшие нападать на стада... так и германцы, потребив все, что награбили, и чувствуя вновь голод, бросались опять на добычу...» («История», XVI, 5, 17). Далее тот же автор сообщает: «...В приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы, куда только могли прорваться с суши или с моря, производили грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и все опустошали» (там же, XXVII, 8, 5). В приведенных отрывках речь идет о 50—60-х годах IV в. На сторону вторгшихся варваров, как правило, переходили варвары, ранее нанявшиеся на римскую военную службу. Так, например, отряд готов в гарнизоне Адрианополя перешел на сторону подошедших вестготов, которые восстали против римских властей (378 г.). К восставшим бежали также их земляки, давно попавшие в рабство к римлянам (там же, XXXI, 6, 5). Но бывали случаи, когда к варварам переходили и местные люди, находившиеся в исключительно тяжелых условиях: «К готам присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники» (там же, XXXI, 6, 6). Однако у Аммиана не содержится даже намека на наличие союза народных масс Империи и варваров. Случаи взаимодействия

между ними сравнительно редки. У Сальвиана также мы находим многочисленные рассказы о страшных бедствиях, принесенных варварскими вторжениями, например, о трехкратном разрушении города Трира, гибели и бедствиях его жителей в результате нашествия варваров (VI, 8; 12—13; 15; VII, 12—13). С другой стороны, этот христианский писатель выражает ненависть к местным угнетателям и сочувствие бедному люду: «Воровство или, скорее, грабеж богатых слишком явственны. Может ли бедный быть в безопасности рядом с богатым? Разве он не станет его добычей, жертвой? Разве большие люди не захватывают имущество мелкого люда? Разве сильным не кажется достаточным иметь силу в руках, чтобы считать себя вправе угнетать слабых и присваивать то немного, что они имеют, даже самую их личность?» (IV, 4). Сальвиан пишет, что «бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены и многие должны искать убежища у неприятелей римского народа. Они идут на службу к готам, или к багаудам, или к каким-нибудь другим повсюду господствующим варварам и не раскаиваются в своем поступке. Они предпочитают жить свободно, нося звание рабов, нежели быть рабами, сохраняя одно имя свободных» (V, 5, 21—22). Означает ли это, что народные массы были целиком на стороне варваров? Какая-то часть населения даже перебежала к ним, оказывая им содействие, а какая-то часть вела борьбу с ними. Приведем примеры последнего. После успеха под Адрианополем (разгром римских войск 9 августа 378 г.) вестготы подошли к Константинополю. По словам церковного писателя Сократа Схоластика, «народ вооружился, чем попало, и выступил против них» («Церковная история», VI, 1). То же самое сообщает Созомен: «Многие из народа, вооружившись, как тому случилось, выступили навстречу врагам и, противустав им, отогнали их далеко от города» («Церковная история», VII, 1).

Варварские вторжения действовали на развитие классовой борьбы двояко. С одной стороны, они содействовали ее усилению, так как уничтожали римскую администрацию и тем самым облегчали выступления народа против римской и провинциальной верхушки, но, с другой стороны, варварские вторжения и обуздывали эту борьбу, сдерживая порыв народных масс, переключая энергию последних на ликвидацию непосредственной

опасности. Часто ауксилиарные войска императора, состоявшие из варваров-союзников, выступали в качестве карателей, подавляющих народные восстания⁵⁷. Особенно часто в качестве карателей в V в. выступали гунны, но также вестготы и аланы. Постоянные варварские нашествия отрицательно сказывались на развитии производительных сил и на положении народных масс. Они служили господствующим классам обескровиванием для усиления налогового бремени. Дань варварам, которую в разных формах выплачивала Империя, ложилась всей своей тяжестью на плечи народа.

Местное угнетенное население Империи («внутренняя варварская периферия») и варвары («внешняя варварская периферия») выступали против общего врага — Римского рабовладельческого государства, но выступали не совместно, а разрозненно, нередко ведя борьбу друг против друга, но иногда облегчая друг другу борьбу с общим врагом⁵⁸. Решая проблему «Рим и варвары», некоторые советские историки придерживаются иного взгляда: «...Выступления крестьян были направлены против закрепощавших их земельных магнатов и одновременно против центральной власти. Эти условия способствовали тому, что варвары, устанавливавшие новые порядки в захваченных ими областях, по существу оказывались союзниками низших трудящихся слоев римского населения»⁵⁹. Однако источники не дают оснований говорить о массовом переходе населения на сторону варваров во время их вторжений. К переходу на сторону варваров были склонны, главным образом, рабы одного с варварами этноса, что отмечает Аммиан Марцелин (XXXI, 6, 5) и Зосим (V, 42). Колоны и крестьяне или оставались нейтральными, или даже вступали в борьбу с варварами (Сократ Схоластик, VII, 10). Городской плебс был всегда враждебен варварам, так как из-за них прекращались всякие раздачи, и он нередко участвовал в битвах с ними (Аммиан, XXXI, 15, 10; Сократ Схоластик, IV, 38).

Действия багаудов в Галии в 435—437 гг. облегчались одновременным натиском варваров-франков, бургундов и вестготов. В источниках нет не только прямых, но даже косвенных указаний на то, что восставшие располагали крупным войском, способным давать настоящие сражения правительственным войскам. В этом их отличие от армий Спартака и сицилийских рабов. По-

видимому, багауды действовали разрозненными небольшими отрядами. Мы располагаем данными, правда косвенными, об участии багаудов в восстании, разразившемся в Галлии в 447 г. Подтверждение этого содержится в «Галльской хронике» (133, год 449). Сведения о действиях багаудов в Испании еще более скудные. Центром их деятельности на Пиренейском полуострове была провинция Тарракон. Нам ничего неизвестно о какой-либо связи между восстаниями багаудов в Галлии и Испании. Это движение не вызвало никаких серьезных уступок со стороны имперского правительства, социальная программа багаудов представляется расплывчатой, поскольку у них отсутствовала конкретная цель, направленная на уничтожение крупного землевладения и политического господства светских и духовных магнатов⁶⁰. Но багауды косвенно содействовали утверждению в Галлии и Испании варваров (вестготов, бургундов, франков, свевов).

Особой, специфической формой сословно-классовых противоречий в эпоху Империи была борьба в идеологической сфере, вначале, в I в. н. э. малозаметная, но в дальнейшем все ощутимее подрывающая фундамент рабовладельческого общества. Наиболее полное выражение она нашла в возникшей в I в. н. э. новой религии — христианстве, о котором Ф. Энгельс писал, что оно возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как «религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»⁶¹. Ф. Энгельс и В. И. Ленин считали раннее христианство (до середины II в. н. э.) не только демократическим, но и революционным движением⁶². Специфический характер христианского движения выражался не в призывах к борьбе с угнетателями, но в том, что эта религиозная идеология отрицала всю систему духовных ценностей, на которых базировалась официальная государственная идеология. По этому поводу Е. М. Штаерман пишет: «Божественность императорской власти, вечность Рима, вера в социальную гармонию и «золотой век», якобы принесенный императорами, в превосходство эллинистическо-римской культуры, шкала обязанностей и добродетелей гражданина и подданного — все это отрицалось ранним христианством»⁶³.

Некоторые весьма активные народные движения имели религиозно-христианскую форму. Например, аго-

нистики (циркумцеллионы) в Северной Африке. Это было революционное движение, в котором участвовали крестьяне, колонны, ремесленники, рабы, должники, не только мужчины, но и женщины. «Агонистиками» («борцами за правую веру») и «воинами Христа» называли себя они сами, «циркумцеллионами» («бродягами») называли их враги. Движение особенно сильно развернулось в начале IV в. и преследовало цели передела земли и освобождения от рабства, от долговой кабалы. Среди агонистиков царил культ добровольного мученичества, они были аскетами, отвергали брак, проповедовали возвращение к первоначальному христианству, отрицательно относились к накоплению собственности, не имели постоянного местожительства и никаких определенных занятий. Агонистики отнимали собственность у богачей, распределяя ее среди бедных и намереваясь осуществить царство божие на земле, во имя победы над дьяволом они провозгласили священную войну рабовладельческому миру. Католический епископ Гиппон-Регия (современный Бон в Алжире) Августин в одном из своих писем в 409 г. пишет: «...Наглость сельчан поднимается против их землевладельцев... рабы угрожают своим господам, не только угрожают, но и грабят их во время своих свирепых нападений. Вдохновителями, руководителями всего этого и главными участниками самих выступлений являются агонистики...» В другом письме Августин сообщает некоторые детали восстания: «...Под страхом дубинок, пожаров, немедленной смерти уничтожались документы на рабов, чтобы они уходили в качестве свободных. Отнятые долговые расписки возвращались должникам... Некоторые отцы семейств, люди высокого происхождения и благородного воспитания, были принесены еле живыми после их избиений или, привязанные к жернову, вращали его, подгоняемые бичами, как презренный скот... Какой чиновник дышал в их присутствии? Какой сборщик взыскивал то, чего они не хотели?» (185, 4, 15). Не менее сурово относились агонистики и к католическим священникам, «изменникам и предателям» чистой веры, которые в начале IV в. перешли к поддержке власти Римского государства. Их церкви сжигались, алтари разрушались. После двух поражений в битвах при Октаве и Боган (347 г.), нанесенных им римскими войсками, агонистики пытались ускорить гибель «неправедного мира» уси-

лившейся среди них проповедью аскетизма и мученичества. Они бросались добровольно в огонь, в воду, в пропасти, на обнаженные мечи, что производило сильнейшее впечатление на современников. Это был своеобразный протест против прикрепления к земле и увеличения повинностей, против тяжелой, однообразной, пустой и безрадостной жизни. Вождями агонистиков были Аксидо и Фазир, о которых, к сожалению, ничего не известно, кроме их берберийских имен. Известно также, что это народное движение в Африке продолжалось еще в начале V в. На примере этого народного движения видим, что в IV—V вв. происходило сближение различных категорий земледельческого населения — свободных беднейших крестьян, колонов и рабов. При этом главной движущей силой движений протеста против существующих условий были свободные закабаляемые общинники, все более превращавшиеся в колонов.

Таким образом, классовая борьба в Риме вытекает из закономерностей развития рабовладельческого способа производства. Мы видим, что в эпоху становления рабовладения главной линией борьбы была борьба между свободными. Однако становление рабовладельческого хозяйства и его наивысший расцвет в Риме вызвали бурный рост движения рабов. Кризис рабовладельческого способа производства ведет к изменению положения свободных и полусвободных производителей и рабов, которое вызывает сближение интересов этих различных классов. Последние века Империи уже подготавливали смену общественно-экономических формаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История антагонистического общества — есть история борьбы классов. Родовой строй, с его экономической основой, не дает возможности для господства и порабощения. Однако в недрах этого строя зарождаются и таятся до поры до времени те силы, которые его взорвут. Разделение труда, увеличение производства, появление излишков в процессе производства, стремление к частному присвоению этих излишков с целью использования их для эксплуатации чужого

труда — все это факторы, способствовавшие падению родового строя и появлению классового общества. Интересы тех, кто обладал всеми средствами производства и тех, кто не имел их; тех, кто не участвовал в производительном труде, но получал доход с него, и тех, кто отдавал все силы работе, но получал лишь небольшую долю продукта; тех, кто сосредоточил в своих руках власть, и тех, кто этой власти вынужден был подчиняться — их интересы всегда были противоположны. Эта противоположность и определяла накал классовой и сословной борьбы в древнем мире. К. Маркс писал: «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»¹.

Сложность социальной структуры древних обществ, переплетение классовых и сословных интересов предопределили и сложность классовой борьбы на разных этапах развития древнего мира.

Явившись движущей силой развития древних обществ, классовая борьба в разные эпохи и в разных странах имела свои характерные черты.

Так, для классовой борьбы на древнем Востоке характерно преобладание борьбы свободных производителей, находящихся в сильной зависимости от деспотической государственной власти. Длительное время борьба рабов велась лишь в скрытых формах или в связи с классовой борьбой свободных. В последние века до нашей эры и первые века нашей эры — время, подготовившее переход к феодализму на Востоке — мы можем наблюдать сильные выступления бедноты и рабов в странах Востока (особенно в Китае). Классовая и сословная борьба здесь зачастую имела религиозную оболочку.

Огромную роль играла классовая борьба в древней Греции и эллинистических государствах. Две линии этой борьбы: линия борьбы свободного населения, мелких собственников, прежде всего, и линия рабов, идут параллельно. Говорить о сознательном объединении беднейших слоев свободных с рабами для совместной борьбы мы не имеем оснований. В Греции и эллинистических государствах мы не встретим и таких крупных восстаний рабов, как в Риме.

История классовой борьбы в Риме также доказывает

связь ее с закономерностями развития рабовладельческого строя. Расцвет рабовладельческого общества знаменует откровенный антагонизм рабов и рабовладельцев, проявившийся наиболее ярко в Сицилийских восстаниях и «рабской войне» Спартака.

Однако эти выступления были обречены на провал, и причины этого следует искать в закономерностях развития рабовладельческого общества. Вплоть до последних веков Римской империи не было еще замены рабовладельческому способу производства, не было еще объективных условий для изменения существующих общественных отношений. Рабство, как система хозяйства, и раб, как основная производительная сила, сохранились до конца существования римского государства. Рабы и свободные мелкие крестьяне не были носителями нового, прогрессивного способа производства². Основоположники марксизма указывали: «...уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает»³. Тем не менее, эта борьба была в уничтожении рабовладельческого строя одним из важных факторов.

* * *

Когда данное учебное пособие уже было готово к выходу из печати, в журнале «Вопросы истории» появилась статья В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман⁴, в которой доказывается актуальность и значимость для советской историографии античности изучения проблем классовой структуры и классовой борьбы в древности. Вопросы эти изучаются и буржуазной историографией, и их внимательное исследование советскими историками дает новые аргументы в дискуссии между марксистами и их оппонентами.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ
И ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ,
ДОКЛАДОВ И КУРСОВЫХ РАБОТ
ПО ТЕМЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ**

Настоящее пособие, предназначенное прежде всего для студентов и преподавателей вузов, имеет целью представить в обобщенном виде развитие классовой борьбы в древнем мире.

Однако как объем пособия, так и его цель, не позволили авторам подробно остановиться на многих вопросах, впрямую связанных с темой учебного пособия, но требующих значительного расширения его объема. Именно поэтому мы посчитали возможным в качестве приложения дать примерную тематику письменных работ (рефератов, докладов, курсовых сочинений), которые могут быть написаны студентами с использованием данного пособия, и одновременно потребуют творческой переработки в связи с каждой конкретной темой как литературы, приведенной в примечаниях, так и прочей литературы вопроса.

В связи с особой актуальностью проблемы, вопросы истории классовой борьбы в древнем мире являются предметом анализа студентов как в рамках общего курса истории древнего мира (во время практических или семинарских занятий), так и в рамках специальных дисциплин по древней истории. При этом, в зависимости от конкретной тематики занятий, интересов самого студента, целей и задач спецсеминара, проблемы классовой борьбы могут быть предложены студенту для изучения и в конкретно-историческом, источниковедческом и в историографическом аспектах.

В то же время опыт проведения подобного рода работы показывает, что тематика, связанная с историей классовой, социальной борьбы в древнем мире, неизменно вызывает интерес студентов. Поэтому реферат или семинарский доклад вполне может перерасти в курсовое сочинение.

С учетом этого обстоятельства и составлена предлагаемая тематика: некоторые темы, кажущиеся, на первый взгляд, небольшими по объему имеющегося материала, могут быть, на усмотрение преподавателя, осу-

ществающего научное руководство, объединены при написании курсовой работы.

Необходимо отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Тематика письменных работ, предложенная здесь, позволяет не только двигаться вглубь тех или иных вопросов, поднятых в учебном пособии, но и рассчитана на расширение круга проблем, прежде всего за счет таких, которые в пособии почти не затронуты, но имеют с его темой прямую связь. Речь идет прежде всего о вопросах сословно-классовой структуры древних обществ, о вопросах положения некоторых категорий свободного или зависимого населения, в том числе и в историографическом плане.

Таким образом, отталкиваясь от материалов пособия, студент в рамках общего курса древней истории или спецдисциплины, получит возможность, в результате самостоятельной работы под контролем преподавателя, значительно дополнить свои представления по тем вопросам, которые не нашли исчерпывающего отражения в учебном пособии.

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ

1. Классики марксизма-ленинизма о классах и классовой борьбе.
2. К. Маркс о месте рабства в античной экономике.
3. Ф. Энгельс как исследователь античного рабства.
4. Ф. Энгельс о социальных корнях античного христианства.
5. В. И. Ленин о сословно-классовой структуре и классовой борьбе в античном мире.

* * *

6. Классовая структура античного общества в советской науке.
7. Советская историография о соотношении сословия и класса рабов в обществах древнего Востока.
8. Советские исследователи о соотношении сословия и класса рабов в античном мире.
9. Е. М. Штаерман как исследователь проблемы соотношения сословия и класса рабов.
10. Фессалийские пенесты в советской историографии.
11. Социальная структура Спарты в советской историографии.

12. Илотия в советской историографии.
13. А. И. Доватур как исследователь рабства в Аттике.
14. Классовая борьба в эллинистических государствах (историография вопроса).
15. Борьба патрициев и плебеев в советской историографии.
16. И. Л. Маяк как исследователь социальной борьбы в раннем Риме.
17. Советские историки о классовой борьбе рабов в Римской республике.
18. Сицилийские восстания рабов в советской историографии.
19. А. В. Мишулин как историк классовой борьбы рабов.
20. А. В. Мишулин — исследователь восстания Спартака.
21. Восстание Спартака в советской историографии.
22. Вольноотпущенничество в советской историографии.
23. Колонат в советской историографии.
24. Советские историки о роли классовой борьбы при переходе от рабовладельческого строя к феодальному.

* * *

25. Вопросы истории античного рабства в трудах французских просветителей.
26. А. Валлон как историк рабства в Греции.
27. А. Валлон — исследователь рабства в Риме.
28. А. Валлон о вольноотпущенничестве.
29. М. С. Куторга как исследователь рабства.
30. М. С. Куторга о вольноотпущенничестве.
31. Античное рабство в исторической концепции Эд. Мейера.
32. Фюстель де Куланж о колонате.
33. У. Уестерман как историк античного рабства.
34. Западно-германская школа И. Фогта.
35. И. Фогт — историк античного рабства.
36. Восстание Спартака в трактовке буржуазной науки.

* * *

37. Классы — сословия в античном и средневековом обществе.

38. Происхождение рабства.
39. Источники античного рабства.
40. Положение рабов в античном обществе.
41. Общественные рабы.
42. Вольноотпущенничество в античном обществе.
43. Основные и неосновные классы в античном обществе.
44. Происхождение сословий.
45. Формы классовой борьбы в античном обществе.
46. Роль классовой борьбы при переходе от рабовладельческого строя к феодальному строю.
47. Рабство по «Хетским законам».
48. Рабство по «Законам Хаммурапи».
49. Документы Среднего царства как источник по истории классовой борьбы в Египте.
50. Сословно-классовая структура египетского общества по «Речениям Ипусера».
51. Классовая борьба в Египте Среднего царства по «Речениям Ипусера».
52. Рабство в Индии по «Законам Ману».
53. Сыма Цянь о классовой борьбе в древнем Китае.
54. Восстания «красных бровей» и «желтых повязок».
55. Рабство в Греции по «Илиаде» и «Одиссее».
56. Социальная борьба в Аттике накануне реформ Солона.
57. Социальная структура Спарты.
58. Рабство в классической Греции.
59. Восстание рабов под руководством Дримака на о. Хиос.
60. Рабы в греческой комедии.
61. Формы эксплуатации в эллинистическом Египте.
62. Классовая борьба в эллинистических государствах.
63. Рабство в Риме по данным Катона.
64. Рабство в Риме по данным Варрона.
65. Рабство в Риме по данным Колумеллы.
66. Социальная борьба в Римской республике накануне реформ братьев Гракхов.
67. Реформаторская деятельность Гракхов.
68. Значение реформ братьев Гракхов.
69. Историческое значение восстания Спартака.
70. Рабы — гладиаторы.
71. Рабы в римской комедии (Плавт, Теренций).

72. Источники о колонате.
73. Колонат и его сущность.
74. Идеология рабов в Римском обществе.
75. Восстания рабов и колонов в Римской империи.

СОКРАЩЕНИЯ

АСПИ — «Античный способ производства в источниках»
 ВДИ — «Вестник древней истории»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей»
 ИГАИМК — «Известия государственной академии истории материальной культуры»
 НАА — «Народы Азии и Африки»
 ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ»
 СИЭ — Советская историческая энциклопедия
 СЭ — «Советская этнография»
 ТИЭ — «Труды института этнографии»
 СЛ — „Corpus Inscriptionum Latinarum“

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 88.

² Из недошедшего трактата Аристотеля «Александр или о колониях», который цитирует Плутарх в своем труде «О счастье или о доблести Александра» (А, в, 3296).

³ Далин В. М. Французские историки эпохи Реставрации.— В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 12.

⁴ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Спб., 1860, с. 192

⁵ См.: Минье Ф. История французской революции. Спб., 1906, с. 376—377.

⁶ Wallon H. L'esclavage dans les colonies.— Wallon H. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. Т. I. Paris [1879], р. XII—XIII.

⁷ Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. Пгр., 1923, с. 108.

⁸ Там же, с. 106.

⁹ Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. Спб., 1910, с. 256—257.

¹⁰ См. в журнале ВДИ, 1958, № 4, с. 136—158 рец. на его книгу: Westermann W. L. The slave systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 427.

¹² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 156—169.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164—165.

²⁰ См.: Этнография античной истории. М., 1981, с. 89—92.

- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 134—135.
- ²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 22; т. 23, с. 69; т. 20, с. 185, 643, т. 21, с. 176.
- ²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 185, 186. См. также: Шофман А. С. Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе.—Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971, с. 31.
- ²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 373—374; т. 12, с. 724.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 164.
- ²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 315.
- ²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 325; т. 16, с. 132, 148—149.
- ²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 186; т. 18, с. 273.
- ²⁹ Еще Аристотель называл рабов «говорящими орудиями». К. Маркс приводит эти слова: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 208 (прим.).
- ³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 325.
- ³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 276.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 433; см также т. 23, с. 178.
- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 276.
- ³⁴ См.: там же, с. 69.
- ³⁵ См.: там же, с. 208 (прим.).
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 643.
- ³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 433; т. 4, с. 424; т. 20, с. 105.
- ³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 208 (прим.); т. 15, с. 46—47; т. 5, с. 124; т. 30, с. 125—126.
- ³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 362.
- ⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 175.
- ⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 375.
- ⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 147.
- ⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 22.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 502.
- ⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 375—376.
- ⁴⁷ См.: Шофман А. С. Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе, с. 105—106.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.
- ⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424—425.
- ⁵⁰ См.: там же.
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.
- ⁵² См.: Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества.—XIII международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 2.
- ⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.
- ⁵⁴ См.: Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация..., с. 4—5.
- ⁵⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424—425.
- ⁵⁶ См.: Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 157—158; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 141—142.
- ⁵⁷ См.: Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация..., с. 16.

⁵⁸ См.: Неронова В. Д. Исследование в советской историографии соотношения сословия рабов и класса рабов в древнем мире.—Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1984.

1 глава

¹ См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока/ Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963, с. 177 сл. (Далее: Хрестоматия, 1963). Конусы найдены во время раскопок на холме Телло, скрывавшем развалины древнего Лагаша, ныне хранятся в Лувре. Текст написан на шумерском языке клинописью.

² См.: Семенов Ю. И. Проблема становления классов и государства в странах Древнего Востока—НАА, 1965, № 3, с. 171.

³ Хрестоматия по истории Древнего Востока/ Под ред. акад. М. А. Коростовцева и др., М., 1980, ч. 1, с. 39—41. (Далее: Хрестоматия, 1980).

⁴ Сказки и повести древнего Египта. Л., 1979, с. 44.

⁵ Хрестоматия, 1980, с. 105.

⁶ Там же, с. 31.

⁷ Там же, с. 43—48.

⁸ История Древнего Востока/Под ред. проф. В. И. Кузищина. М., 1979, с. 47.

⁹ Хрестоматия, 1980, с. 111.

¹⁰ См.: Тураев Б. А. История Древнего Востока, т. 1. Л., 1935, с. 326—327.

¹¹ См.: Коростовцев М. А. О понятии «Древний Восток».—ВДИ, 1970, № 1, с. 11.

¹² См.: Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке.—НАА, 1972, № 4, с. 58.

¹³ См.: Хрестоматия, 1980, с. 104.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 247.

¹⁵ См.: Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967, с. 110.

¹⁶ См.: там же, с. 110.

¹⁷ См.: Гретц Г. История евреев от древнейших времен до настоящего, т. IV. Одесса, 1905, с. 320, 326—415; См.: Когпман П. E. Römische Geschichte, Bd. II. Stuttgart, 1942, S. 226—227; См.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 217.

¹⁸ См.: Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. Минск, 1957, с. 240, 244.

¹⁹ См.: Иванов В. В. Хеттское царство.—СИЭ, т. 15, 1974, с. 578—583.

²⁰ Всемирная история, т.1. М., 1955, с. 541.

²¹ См.: Ungnad A. Eponymen, Reallexikon der Assyriologie, II/hrsg. von E. Ebeling und V. Meissner. Berlin und Leipzig, 1938, S. 412.

²² Хрестоматия, 1963, с. 227.

²³ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия: исторический очерк.—М.: Наука, 1969, с. 342—343.

²⁴ Там же, с. 403—404.

²⁵ См.: Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1965, с. 74.

²⁶ Цит. по кн.: Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1965, с. 98.

²⁷ См.: Ольденберг Г. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1905, с. 260.

- ²⁸ См.: Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии, 2-е изд.—М.: Мысль, 1979, с. 106.
- ²⁹ См.: Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961, с. 54, 57, 61.
- ³⁰ См.: Массон В. М. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке.—ВИ, 1967, № 5, с. 84.
- ³¹ «Цзо чжуань» 9-й год Сян-гуна. Legge J. Chinese Classics. Peiking, 1940, v. VIII, p. 438.
- ³² «Мэнцзы», гл. «Тэн Вэнь-гун».—В кн.: Древнекитайская философия. т. 1. М., 1972, с. 222.
- ³³ Конрад Н. И. Запад и восток. М., 1966, с. 74—75.
- ³⁴ См.: Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае.—В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 222.
- ³⁵ «Шицзин». М., 1957, с. 365.
- ³⁶ «Моцзы» в «Шицзин», с. 47; Рубин В. А. Рабовладение в древнем Китае в VII—V вв. до н. э.—ВДИ, 1959, № 3, с. 18—20.
- ³⁷ См.: Legge J. Op. cit., v. VIII, p. 586.
- ³⁸ См.: Крюков М. В. Указ. соч., с. 227.
- ³⁹ См.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история, 2-е изд. М., 1977, с. 217—218.
- ⁴⁰ См.: Крюков М. В. Указ. соч., с. 246—247.
- ⁴¹ См.: Никифоров В. Н. Указ. соч., с. 221.
- ⁴² См.: История Древнего Востока. М., 1979, с. 412.
- ⁴³ Там же, с. 421.
- ⁴⁴ Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. акад. В. В. Струве, т. 1. Древний Восток. М., 1950, с. 320.
- ⁴⁵ Там же, с. 320.
- ⁴⁶ Там же, с. 328.
- ⁴⁷ См.: Хрестоматия, 1963, с. 505 («Хроника правления императора Линди»).
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же, с. 507 («Жизнеописание Хуанфу Суна»).
- ⁵⁰ Там же, с. 508.
- ⁵¹ Там же, с. 509 («Жизнеописание Чжу Цзюня»).
- ⁵² Эти восстания описаны в «Хронике императора Сяньди» и в «Жизнеописании Чжун Чантуна» (см.: Хрестоматия, 1963, с. 505, 507). Все перечисленные источники входят в «Историю Поздней династии Хань».

II глава

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108.
- ² См.: Кутергин В. Ф. Античная Беотия. Саранск, 1981, с. 21.
- ³ Там же, с. 22.
- ⁴ См.: Там же, с. 28—29.
- ⁵ См.: Meuser Ed. Geschichte des Altertums, B. II. Stuttgart 1893, S. 615. См. о событиях в Милете: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 58—60.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 110.
- ⁷ См.: Колобова К. М. Революция Солона.—Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1939, сер. истор., вып. 4, с. 25.
- ⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 116.
- ⁹ См.: там же.

- ¹⁰ См.: Колобова К. М. Указ. соч., с. 46.
- ¹¹ См.: Голубцова Е. С. К. Маркс о роли общины в древнем мире.— ВДИ, 1983, № 3, с. 4, 10.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 119.
- ¹³ Meuser E. d. Op. cit., B. V. Stuttgart, 1902, S. 275—276.
- ¹⁴ Бергер А. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936, с. 102.
- ¹⁵ Dittenberger G. *Orientis graeci inscriptiones selectae*, Bd. I. Leipzig, 1901, A. 18.
- ¹⁶ Доватур А. И. Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э.— Л.: Наука, 1980, с. 25.
- ¹⁷ См.: Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1975, с. 198.
- ¹⁸ См.: Ростовцев М. И. Амаго и Тиргатао.— ЗООИД, т. XXXII, 1915, с. 76.
- ¹⁹ Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— ИГАИМК, 1933, вып. 70, с. 36. В переработанном варианте статья помещена в книге: Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 106.
- ²⁰ См.: *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, ed. 2, v. 1. Petropoli, MCMXVI, № 352.
- ²¹ См.: Юргевич В. Псифисм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту...— ЗООИД, т. XII, 1881, с. 38. Восстание Савмака этот автор датирует 80 г. до н. э. (с. 19).
- ²² См.: *Bosporos*.— In.: *Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, B. III, 1, 1897, col. 774.
- ²³ См.: Костикова А. Г. Восстание Савмака.— Уч. зап. Москов. обл. пед. ин-та, т. XXVIII, вып. 2. М., 1953, с. 165.
- ²⁴ См.: Гайдукевич В. Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э.— *Античное общество*. М., 1967, с. 17—22.
- ²⁵ Это мнение отстаивают В. Ф. Гайдукевич, Э. Л. Казакевич и др., но нумизматы А. В. Орешников и К. В. Голенко подвергают сомнению принадлежность этих монет Савмаку. См. подробнее: Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969, с. 148.
- ²⁶ Струве В. В. Плебеи и илоты.— ИГАИМК, вып. 100. Л., 1933, с. 364.
- Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.— Л., 1933, с. 27; Lotze D. *Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerung im Griechenland bis zum 4. Jhd. v. Chr.* Berlin, 1959, S. 79.
- ²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 112.
- ²⁸ Ковалев С. И. История античного общества. Греция. М., 1937, с. 151; Казаманова Л. Н. Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э.— ВДИ, 1953, № 2, с. 38; Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964, с. 18—19.
- ²⁹ См.: Шмидт Р. В. О непосредственных производителей на Крите.— ПИДО, 1935, № 9—10, с. 42—57; См.: Колобова К. М. Войкеи на Крите.— ВДИ, 1957, № 2, с. 25—46; См.: Finley M. I. *Was Greek Civilization Based on Slave Labour?*— *Historia*, 1959, Bd. VIII, H. 2, S. 147.
- ³⁰ В аллон А. История рабства в античном мире. М., 1941, с. 36—41.

³¹ Впервые эти две причины сформулированы в кн.: Крюгер О. О. Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху.— ИГАИМК, вып. 101, Л., 1934, с. 122.

³² См.: Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 530, прим. 74.

³³ Утверждение А. И. Юделевича, что «речь в данном случае может идти только о восстании, а не о бегстве рабов», является, по нашему мнению, неоправданной натяжкой. См. Юделевич А. И. К вопросу о социально-политической борьбе на о. Хиос в 412—411 г. до н. э.— Уч. зап. Калининградского ун-та, вып. 1, 1968, с. 90.

³⁴ См.: Шишова И. А. Рабство на Хиосе.— В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 192.

³⁵ Перевод см. в АСПИ, № 609, или: Поздняя греческая проза / Под ред. М. Грабарь-Пассек. М., 1960, с. 463—464.

³⁶ Мишулин А. В. Восстания рабов и бедноты.— В кн.: Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1948, с. 365.

³⁷ См.: Источниковедение древней Греции: Эпоха эллинизма. М., 1982, с. 175—176.

³⁸ Greenfield V. P., Hunt A. C., Smyly J. C. The Tebtunis Papyri, v. 1. London, 1907, № 5; Хрестоматия по истории древнего мира/Под ред. акад. В. В. Струве. Греция и эллинизм. Т. 2. М., 1951, с. 278.

³⁹ См.: АСПИ, ИГАИМК, вып. 78. Л., 1933, № 71.

⁴⁰ Там же, № 72.

⁴¹ Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 345.

⁴² Евтропий (IV, 20) и Орозий (V, 10, 3) пишут даже о гибели Красса.

III глава

¹ См.: Нечай Ф. М. Образование римского государства, 1972, с. 97.

² См. об этом подробнее: Валлон А. История рабства в античном мире., 1941, с. 282—287.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 368.

⁴ См.: Аппиан. Римская история, кн. III «О самнитских делах», 12.—ВДИ, 1950, № 2, с. 277.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 148.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 375.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424—425.

⁸ См.: Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима III—I вв. до н. э. М., 1977, с. 51—52.

⁹ См. также: Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 203—206; Машкин Н. А. Последний век пунического Карфагена.—ВДИ, 1949, № 2.

¹⁰ См.: Утченко С. Л. Становление Римской империи и проблема социальной революции.—ВИ, 1964, № 7, с. 115.

¹¹ См.: Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969, с. 27.

¹² См.: Ковалев С. И. История Рима, с. 336.

¹³ Валлон А. История рабства..., с. 409—410.

¹⁴ См.: Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 247.

¹⁵ См.: Валлон А. История рабства..., с. 412—413.

- ¹⁶ См.: Штаерман Е. М. *Расцвет...*, с. 243.
- ¹⁷ См.: Штаерман Е. М. К проблеме структурного анализа в истории.— *ВИ*, 1968, № 6, с. 30.
- ¹⁸ См.: Штаерман Е. М. *Древний Рим: проблемы экономического развития*. М., 1978, с. 182.
- ¹⁹ Мишулин А. В. *Спартакоское восстание*. М., 1936, с. 60.
- ²⁰ Ковалев С. И. *История Рима*, с. 336.
- ²¹ См.: Vogt J. *Struktur der antiken Sklavenkriege*.— *Abhandlungen der Geistes-und sozialwissenschaftlichen Klasse. Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz*, Jg. 1957, № 1, S. 49—50, 54—57.
- ²² См.: *ibid.*, S. 37.
- ²³ См.: Мишулин А. В. *Спартакоское восстание*, с. 53, 138—141.
- ²⁴ См.: Жебелев С. А., Ковалев С. И. *Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме*.— *ИГАИМК*, вып. 101. Л., 1934, с. 152, 166, 179.
- ²⁵ См.: Сергиевский А. Г. *Ценный, но сырой труд о революции рабов*.— *Книга и пролетарская революция*, 1936, № 10.
- ²⁶ См.: Сергеев В. С. *Очерки по истории древнего Рима*, ч. I. М., 1938, с. 267; См.: Машкин Н. А. *История Древнего Рима*. М., 1949, с. 299.
- ²⁷ Мотус-Беккер А. А. *Из истории восстания Спартака*.— *Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та*, вып. 68. Л., 1948, с. 68.
- ²⁸ См.: Ратнер А. Б. *К вопросу о причинах разногласий в армии Спартака*.— *Уч. зап. Карело-финского ун-та*, т. 3, вып. I. Петрозаводск, 1949, с. 59.
- ²⁹ См.: *История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского*. М., 1952, с. 621; *Brissou J.—P. Spartacus*. Paris, 1959, p. 212—218.
- ³⁰ Ковалев С. И. *История Рима*, с. 423.
- ³¹ См.: Коржева К. П. *Восстание Спартака в советской историографии*.— *ВИ*, 1974, № 10, с. 132.
- ³² См.: Баженов Л. В. *Классовая борьба в античном мире*. Л., 1931, с. 29—30.
- ³³ Ковалев С. И. *Проблема социальной революции в античном обществе*.— *ИГАИМК*, вып. 76. Л., 1934, с. 49.
- ³⁴ См.: Мишулин А. В. *Спартакоское восстание*, с. 89, 140.
- ³⁵ Ковалев С. И. *История Рима*, с. 426.
- ³⁶ См.: *Brissou J.—P. Op. cit.*, p. 4; *История древнего мира*, с. 623.
- ³⁷ См.: Машкин Н. А. *История Древнего Рима*, с. 302; см.: Утченко С. Л. *Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики*. М., 1952, с. 20; *Brissou J.—P. Op. cit.*, p. 242.
- ³⁸ Утченко С. Л. *Кризис и падение Римской республики*. М., 1965, с. 147—148; он же. *Древний Рим...*, с. 64—66.
- ³⁹ Ранович А. Б. *Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л.*, 1949, с. 7.
- ⁴⁰ Машкин Н. А. *Принципат Августа*. М.—Л., 1949, с. 375.
- ⁴¹ См.: Неронова В. Д. *Введение в историю древнего мира*. Пермь, 1973, с. 137.
- ⁴² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 30, с. 126.
- ⁴³ Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 39, с. 77.

- ⁴⁴ Пекулий — движимое и недвижимое имущество, которое рабовладелец на известных условиях давал в пользование рабам и зависимым от него свободным.
- ⁴⁵ См.: Штаерман Е. М. *Расцвет...*, с. 249—250.
- ⁴⁶ См.: Машкин Н. А. *Принципат Августа*, с. 200.
- ⁴⁷ См.: там же, с. 257.
- ⁴⁸ См.: Штаерман Е. М. *Расцвет...*, с. 245.
- ⁴⁹ См.: Дмитриев А. Д. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи.— ВДИ, 1951, № 4, с. 65.
- ⁵⁰ Главный аргумент в ней: «...всякое примерное наказание, распространяемое на многих, включает в себе долю несправедливости, являясь злом для отдельных лиц, возмещается общественной пользой...; а рабы — сброд, который не обуздать иначе, как устрашением» (Тацит, *Анналы*, XIV, 44).
- ⁵¹ См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, с. 233.
- ⁵² См.: Корсунский А. Р. О положении рабов, колонов и вольноотпущенников в западных провинциях Римской империи.— ВДИ, 1954, № 2, с. 66—67.
- ⁵³ См.: Кац А. Л. Классы и классовая борьба в Римской империи конца III — начала IV веков.— Уч. зап. Киргиз. заоч. пед. ин-та, вып. 3. Фрунзе, 1957, с. 198.
- ⁵⁴ СС, III, 12336; См.: Ранович А. Б. *Восточные провинции...*, с. 248—249.
- ⁵⁵ См. текст указа: Ранович А. Б. Колонат в римском законодательстве. II—V вв.— ВДИ, 1951, № 1, с. 85.
- ⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 21, с. 147.
- ⁵⁷ См.: Сиротенко В. Т. Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV—V вв.— Уч. зап. Пермск. гос. ун-та им. А. М. Горького, № 143, ист. науки. Пермь, 1966, с. 33.
- ⁵⁸ См.: там же, с. 58, 62; См.: Корсунский А. Р. Проблема перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе.— ВИ, 1964, № 5, с. 101.
- ⁵⁹ Колосовская Ю. К. Проблема «Рим и варвары» в советской историографии античности последних десятилетий.— ВДИ, 1980, № 3, с. 183.
- ⁶⁰ См.: Корсунский А. Р. Движение багаудов.— ВДИ, 1957, № 4, с. 74.
- ⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 22, с. 467.
- ⁶² См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 21, с. 8; См.: Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 33, с. 43.
- ⁶³ Штаерман Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии.— ПИДО, М., 1968, с. 645.

Заключение

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 4, с. 96.
- ² См.: Кузицин В. И. Проблемы древней истории в свете ленинских идей.— ВДИ, 1980, № 2, с. 9.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 21, с. 155.
- ⁴ См.: Кузицин В. И., Штаерман Е. М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности.— ВИ, 1986, № 10, с. 61—77.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Классовая и сословная борьба на Древнем Востоке	14
ГЛАВА II. Классовая и сословная борьба в Древней Греции и эллинистических государствах	35
ГЛАВА III. Классовая и сословная борьба в Древнем Риме	61
Заключение	97
Приложение	100
Сокращения	104
Примечания	104

*Александр Михайлович Малеваный,
Евгений Александрович Чиглинцев,
Аркадий Семенович Шофман.*

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Редактор *Ю. И. Соловьев*
Обложка художника *Ю. В. Пахомова*
Техн. редактор *Г. П. Дудичева*
Корректор *Р. М. Зарифуллина*

ИБ № 756

Сдано в набор 25.09.86. Подписано в печать 26.01.87. ПФ 08114.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 5,88. Усл. кр. отт. 6,0. Уч.-изд. л. 5,91.
Тираж 6000 экз. Заказ Т-600. Цена 30 коп.

Издательство Казанского университета
420008 Казань, ул. Ленина, 18.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

420084. Казань, ул. Баумана, 19.